

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132-0831

9-10

1992

**ЧТО ИМЕЕМ - НЕ ХРАНИМ,
ПОТЕРЯВШИ - ПЛАЧЕМ**

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ПРАВОВОЙ
ЖУРНАЛ

9-10
1992

Главный редактор
В. М. СИРЕНКО

Учредитель:
Международное неправительственное объединение «Союз юристов»

Редакционный совет:

АГЗАМХОД-ЖАЕВ А. А.
АЛИЕВ И. А.
БАЕКОВА Ч. Т.
БАРБАЛАТ П. А.
БУРЧАК Ф. Г.
ДАРБИНЯН В. С.
МИТЮКОВ М. А.
НУРМУХАМЕДОВ Б. К.
САРТАЕВ С. С.
СОКОЛ С. Ф.
ХУВАЙДУЛЛАЕВ Н. Х.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1971 ГОДА

В НОМЕРЕ

ЗАКОН. КОММЕНТАРИЙ. ПРАКТИКА

- Б. ПЕТРОВ. В жестком «корсете» 3
- В. КОВАЛЕВ. Приватизация жилья: права и ответственность 18

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ 11, 40

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

- В порядке компенсации. Комментарий юриста В. ДЕМИНА Указа Президента Российской Федерации «О повышении размеров социальных пособий и компенсационных выплат в 1992 г.» 12
- Об упорядочении платы за содержание детей в детских дошкольных учреждениях и о финансовой поддержке системы этих учреждений. Постановление Верховного Совета Российской Федерации 74

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК «ЧиЗ»

- П. ЛЕВШЕНКОВ. Что же вы, люди!! 15

МОЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- Н. АНИСИН. Не сгореть бы в общем пожаре 29
- И. ВАШКЕВИЧ. Лопнувшее обвинение 45

ДОМАШНЯЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ 41

ОЧЕРК

Л. ЕМЕЛЬЯНОВА. **Куда уходить дьяволицам!** 52

РОЖДАЕТСЯ ЗАКОН

А. ГАЛОГАНОВ, А. КЛИГМАН. **Трудный путь к свободе** 68

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

А. ПРОЦЕНКО. **Страна обетованная** 75

**ЗАОЧНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ
КОНСУЛЬТАЦИЯ**

С. ЯБЛОЧКИН. **Не вступать в конфликт** 85

ПОВЕСТЬ

А. РОМОВ. **Алмазы оперной певицы** 87

Редакционная
коллегия:

А. Т. АНОСОВ

Г. К. БОЛЬШАКОВА

(заместитель
Главного
редактора)

В. Н. ДОВЖУК

В. П. КОНОНЕНКО

О. Е. КУТАФИН

В. М. ЛЕБЕДЕВ

М. Н. МАРЧЕНКО

Л. А. ПЕТУХОВА

В. Д. ПОВОЛЯЕВ

Н. Т. РЯБОВ

А. Я. СУХАРЕВ

А. А. ТРЕБКОВ

М. М. ТРОИЦКАЯ

А. Е. ЮФЕРЕВ

(заместитель
Главного
редактора)

Художественный
редактор

М. В. ПАНКОВА

Технический
редактор

В. А. СЕРЯКОВА

Фото

В. С. ЗИМИНА

Корректор

Л. И. УШАНОВА

Борис ПЕТРОВ

В ЖЕСТКОМ «КОРСЕТЕ»

Все началось с коротенького письма. «Собираюсь в отпуск на Украину, где находится мой родительский дом. Но посетить его, видимо, нелегко. Слышал о постановлении правительства России, которое запрещает вывоз за пределы страны более 60 наименований товаров. Неприятно будет отдавать свои вещи таможенникам. Так что же можно брагь, а что нельзя?»

Вот таким вопросом закончивалось письмо нашего читателя. Мы немедленно принялись готовить ответ, предполагая, что не он один отправится в путешествие по распавшемуся некогда единому Союзу...

Стоило только посмотреть на перечень, чтобы понять: запрещено вывозить практически все. Из

продуктов питания: мясо, масло, сыры, чай, крупы, сахар, дрожжи, вина, овощи, фрукты... Из промышленной продукции тоже. Называйте: ткани, чулки, обувь, телевизоры и фотоаппараты, велосипеды и части к автомотовелотехнике, ковры, зонты, игрушки,— не ошибетесь. Ну, а как же питаться в дороге? Брать с собой, но так, чтобы на момент пересечения границы нормы продуктов питания на одного человека не превышали: хлеба — 1 кг, колбасы — 0,5 кг, масла — 0,5, сахара — 0,5 кг, яиц — 10 штук, чая — 1 пачки, табачных изделий — 4 пачек, кофе — 1, банки, алкогольных напитков — 1 бутылки, рыбных консервов — 2 банок, конфет и карамели — 0,5 кг. Вот, пожалуй, и все.

На первый взгляд мо-

жет показаться, что такие меры слишком круты. Но на самом деле Россия вынуждена была сделать этот шаг последней. Все другие бывшие республики, а ныне независимые государства сделали его раньше на два или полтора года.

Сломав привычные стереотипы социально-экономических отношений, мы и не подозревали, по какой ухабистой дороге придется ехать. Мы разбудили предпринимателя, главную движущую силу рыночных отношений, но разбудить его совесть пока не удается. Вымывание товаров с и без того не очень густых прилавков наших магазинов приняло опустошительные масштабы. А иначе и не могло быть. Директор магазина — один предприниматель — не будет выбрасывать в торговый зал полученный дефицит, если к нему подошел водитель автомобиля — другой предприниматель — и по договорной цене, которая значительно превышает государственную, перекупил весь товар.

Результаты действия этого предпринимательского «купи-продай» на взаимовыгодной основе механизма первыми почувствовали жители боль-

ших городов, потом малых.

Все товары из запрещенного списка инспектора ГАИ любой страны СНГ находили каждый день на любой автомагистрали. И почти все вывозились тайком, без соответствующих документов. Понятно, что законные операции, когда продукция «переезжает» с выгодой для всего города, области или края, предпринимателям невыгодны.

Вот, например, как «работают» в хлебном городе Ташкенте. По сводкам, только одного дня: хотели перебросить 10 тонн меда в Ставрополье, 8 тысяч бутылок вина во Владимир, 7 тонн винограда в Читу, одежду, сигареты, сухофрукты в Минск, мебель, запчасти к автомашинам и стройматериалы в Киев. Это факты из числа обнаруженных, а сколько «не пойманных, не воров», Точно такие же подпольные рейсы происходят и в любом российском городе.

Можно напомнить жителям и гостям Москвы, что этой зимой правительство столицы выпустило постановление «О временном ограничении вывоза товаров народного потребления». Был

введен жесткий контроль за деятельностью оптовых баз и магазинов города. «Заградотряды», вооруженные автоматами, останавливали машины на выездах из города, изучали путевые листы и накладные. Граждан заворачивали назад, если они перевозили товары, превышающие нормы отпуска в пять раз. Но то московское распоряжение было временным, краткосрочным, буквально на неделю. Постановление же № 88 от 29 декабря 1991 года «Об ограничении вывозов товаров народного потребления из Российской Федерации» сроком действия не ограничено. А поэтому мы обратились за разъяснениями в МВД РФ, которое является основным исполнителем этого постановления. В кабинете заместителя начальника главного управления обеспечения общественного порядка полковника милиции Л. П. Танцова наша беседа началась с вопроса:

— Почему Россия оказалась последней, принявшей подобное постановление? Это что — наша нерасторопность?

— Скорее — долготерпение. Эту меру приняли в ответ на действия на-

ших соседей. Понимаю, что это не самое лучшее средство, но пока лучшего нет. Недавно мне звонил автолюбитель, уже пожилой человек, 72 года. У него родственники в Белоруссии. Ему очень неудобно приезжать к ним с пустыми руками... И тем не менее последствия распада государства будут нарастать, со всеми вытекающими из них неудобствами.

— Итак, излишки товаров будут изыматься на контрольно - пропускных пунктах. Какова судьба этого «конфиската»? Ведь его нужно где-то хранить. А то под дождем или снегом он потеряет товарный вид. Или совсем испортится, если он из породы скоропортящихся продуктов. Значит, придется создавать склады, холодильные установки? На это нужны стройматериалы, средства, силы.

— Это все предстоит налаживать местным органам власти с привлечением торговых организаций. Письмо в Министерство торговли с просьбой оказывать содействие мы написали. Но создавать большую инфраструктуру на контрольных пунктах, думаю, не надо. Гостиницы, склады, торговые точки, холодильники... Там

будет такая наэлектризованная обстановка, что и в плохом сне лучше не увидеть. Например, телевизор, лежащий в пруду вместе с холодильником и стиральной машиной,— такое уже было.

— Намечаются ли просветы в преодолении этого мрака?

— Есть выход. Например, Россия заключила договор с Кыргызстаном о свободном перемещении рабочей силы, товаров и транспорта. Правда, это только политическое решение, еще предстоит разработать механизм снятия ограничений. Но это уже правительства должны уточнить и конкретизировать. Иначе будет большая нервотрепка. В летнюю жару скоропортящиеся продукты в неприспособленных помещениях станут непригодными. Автомобилисты начнут прокладывать объездные пути по проселочным дорогам, искать броды или создавать их искусственно. Примеры такого «просачивания» уже есть. А это значит: угробленная техника, немоллимый рост контрабанды и даже человеческие жертвы.

В подтверждение слов моего собеседника сто-

ит привести такие факты. На проселочных дорогах пограничных районов России и Прибалтики к вечеру замечают скопление бензовозов с российскими номерами и легковых автомобилей с прибалтийскими. Идет интенсивная продажа бензина и горючесмазочных материалов. Это еще мирный вариант, а вот случай, происшедший в Печорском районе. Сотрудники милиции задержали КамАЗ, в кузове было 12 тонн алюминия. Без документов. Сотрудникам предложили взятку. Они отказались. Груз задержали. Контрабандистов отпустили. Ночью те вернулись, напали на сторожа, связали его, забрали алюминий и погнали машину в Эстонию. Откуда и приехали «добытчики». Началась погоня. На требование остановиться только увеличивали скорость. Милиция стала стрелять по скатам. Пробыли. Но и на спущенных КамАЗ продолжал упрямо уползать в сторону границы. Только он пересек шлагбаум эстонского таможенного пропускного пункта, подлетела машина российских милиционеров. А ее-то и не пропустили.

Напряжение растет, с

обеих сторон границы противостоят вооруженные люди. Добром это не может кончиться. Надо остановиться. Столкновения и конфликты между соседями нарастают по всему СНГ. Например, работники узбекского ГАИ устроили настоящую погоню за казахскими омовцами, которые прикрывали четыре КамАЗа, вывозивших из одной республики в другую промтовары на 11,5 миллиона рублей. Операцию «прорыва» возглавил армейский офицер. От подобных инцидентов недалеко и до вооруженных столкновений.

Спрашивается, что же мешает цивилизованным путем закупать и, покупая официальные лицензии, вывозить товары и материалы? Неумеренная жадность предпринимателей первой волны. Бедность и неразвитость экономики, отсутствие правовой базы.

Одной из упреждающих мер по недопущению подобных ситуаций на границах России и было издание целого ряда постановлений, цель которых — отрегулировать механизм внешнеэкономической деятельности республики. Это жесткий корсет, но в периоды рас-

ползания и вымывания товаров, видимо, он необходим. Поэтому и были приняты в начале 1992 года приказы Государственного таможенного комитета РФ «О порядке лицензирования и квотирования экспорта и импорта товаров (работ, услуг) на территории РФ в 1992 году», «О мерах по обеспечению декларирования и таможенного оформления товаров, перемещаемых через границу РФ в пределах государств — членов СНГ», «О таможенных пошлинах на импортные товары», «О введении таможенных пошлин на товары, вывозимые с территории РФ», «О мерах по реализации Указа Президента РФ «О формировании республиканского валютного резерва РФ в 1992 году».

Извините за длинный перечень официальных документов, но без него не понять всей сложности картины. Если постановление № 88, о котором шла речь вначале, регламентирует нормы провоза товаров гражданами, то вышеперечисленные приказы касаются организаций, предприятий, кооперативов. Фактически все они рождены хорошо известным в правоохранительных кругах по-

становлением правительства России № 90 «О лицензировании и квотировании экспорта и импорта товаров (работ, услуг) на территории Российской Федерации», подписанным 31 декабря 1991 года. Так как все большее число грузовиков становится частными, но активно обслуживаемыми госпредприятия, то их автовладельцам важно знать основные положения постановления № 90.

Согласно ему, транспортно - экспедиционным предприятиям и организациям предписано не принимать к отгрузке за пределы республики товары без разрешения таможенных органов. А органам внутренних дел вменено в обязанность пресекать вывоз товаров без аналогичных разрешений. За нарушение — штраф в размере рыночной стоимости перевозимого товара. Штраф будут взыскивать налоговые службы и распределять в следующей пропорции:

в местный бюджет — 50 процентов,

местному органу внутренних дел — 25 процентов,

таможенному органу — 25 процентов.

В свете этих пунктов до-

вольно бесперспективным выглядит иск одного из представителей южных республик, предъявленный таможенникам московского аэропорта за арест партии сигарет на общую сумму 75 тысяч рублей. На невинный вопрос «зачем ему столько табака?» представитель ответил с характерным акцентом: «Раз у нас дружба, то я хочу на всю оставшуюся жизнь себя куревом обеспечить». А таможенник, конфисковавший товар, не растерялся и ответил: «Что ж, дружба дружбой, а табачок врозь».

Прошлым летом в Нелидовском районе (граница Литвы и России) действовало несколько групп правонарушителей. Одна из них прибыла из Таурегга прекрасно оснащенной: на трех «Жигулях» и двух грузовиках, один из которых высокой проходимости. В кузове — шпалы, пилы, лопаты, топоры, в кабине американские рации, путевые листы близлежащего литовского крестьянского хозяйства «Соджюс». Дождались темноты и начали прокладывать на вездеходе путь к Нелидовскому заводу пластмасс через лес. Проложили, подъехали к складу, пробили дыру в сте-

не, начали выносить мешки с полистеролом. И вынесли на сумму более 50 тысяч рублей. Задержали их случайно инспектора дорожно - патрульной службы, когда они следовали по маршруту и заметили у одного из карьеров автомагистрали Москва — Рига непривычное для глухой поры оживление. Грабители уже заканчивали перегрузку похищенных мешков в более вместительный и быстроходный грузовик, когда двое инспекторов В. Дубчак и Ю. Бойченков вышли на десять ночных «старателей» и предложили им отдохнуть, правда, ночные труженики совету не вняли, пришлось применить оружие, сделав предупредительные выстрелы. Ситуация была достаточно нервной и трудно предсказуемой. За охрану наших общих интересов милиционеры ничего не получили. Теперь же, будем надеяться, согласно постановлению, им есть за что рисковать. Но не впасть бы нам в другую крайность...

Принимая жесткие меры по сохранению материальных богатств, не переусердствуют ли сотрудники таможи и МВД? Когда мы обратились с

этим вопросом к начальнику таможенно-тарифного управления Государственного таможенного контроля РФ И. В. КОНЬКОВУ, он сказал:

— Действительно, когда учащаются жалобы коммерсантов на слишком завышенные экспортные пошлины и, по их словам, торговать становится невыгодным, мы привлекаем наших экспертов и достаточно глубоко анализируем конъюнктуру рынка. Там, где тарифы слишком увеличены, снижаем их. Например, недавно снизили тарифы на лесоматериалы. Так что не думайте, что все наши действия направлены на удушение отечественного экспорта. Но и выдаивать страну до полного изнеможения нельзя.

В планах ГТК регулярное проведение сборов крупных экспортеров и импортеров для выработки единых таможенных режимов и детального обсуждения складывающейся ситуации. Кроме тщательного контроля на основных транспортных магистралях за циркуляцией товаров, материалов, энергоносителей и наличие на них разрешенной документации, идет разработка гибкой системы учета прохождения этой

документации. Ведь может так случиться, что товары вывезут не через ту область, откуда они «родом». В этом случае в «родную» область будут высланы копии документов по провезенному товару. Поэтому совет для всех, кто собрался переезжать на новое место жительства, — не забудьте про документы, подтверждающие ваш переезд и ваши права на перевозимые вещи. Например, штамп о выписке в паспорте, купчая на перевозимый сельский дом и т. д.

Жесткие требования постановлений безусловно нанесут удар по автотуризму, транспортный поток станет поменьше. Но от этого корсета, выправляющего слишком разболтавшиеся социально-экономические отношения, видно не уйти. Его стабилизирующее воздействие в сочетании с разумной таможенной политикой сказывается пусть не так заметно, но постоянно и эффективно. Например, в России дефицит автомобилей. Поэтому при провозе «иномарок» владелец платит очень небольшую пошлину, скорее символическую сумму из расчета 4 рубля за 1 см³ объема двигателя. По-

смотрите: на улицах наших городов иномарок прибавилось. Предусмотрено и льготное налогообложение на автосборочные производства, поставляемые к нам нашими зарубежными партнерами. Кстати, в развитых странах таможенными правилами пользуются для приумножения своих национальных богатств с еще большей виртуозностью и эффективностью.

Английская таможенная служба, например, недавно установила очень незначительную пошлину на ввоз шерстяных изделий, а на синтетические — несоизмеримо большую. Спрашивается, почему? Так англичане заботятся о том, чтобы в страну шел поток натуральных товаров и одновременно создавалась возможность для развития собственной химической промышленности. Или такой пример защиты внутреннего рынка: французские власти забеспокоились, что прилавки отечественных радиомагазинов завалены японской радио- и видеотехникой. Однако никаких дополнительных пошлин на их ввоз устанавливать не стали. Придумали, вроде бы, пустячок. Разрешили ввоз «видиков»

через те таможни, чья пропускная способность по разным причинам ограничена. Поступление замедлилось. Отечественные фирмы получили передышку для улучшения качества своей продукции. Видимо, на такой уровень будут переходить таможенные службы всех независимых государств.

Однако таможня не только регулятор, но и барометр. Находясь на контрольно - пропускном пункте, даже не читая газет, легко судить о событиях, происходящих во-

круг. И чем быстрее нормализуются политические, экономические отношения между странами СНГ, тем спокойнее будет на таможнях, тем больше выиграют граждане. Начался конфликт между Арменией и Азербайджаном, сразу на границе между этими странами участились случаи провоза оружия. Где-то цены на сыр или мясо подскочили, первыми это узнают таможенники. Впрочем, узнавать им полагается по штату не только обо всех законных, но и незаконных грузах.

ЮРИДИЧЕСКИЙ

ПРАКТИКУМ

Задача 1

Мальцев был уволен из института по сокращению штатов. На другой день он уже приступил к новой работе. Должен ли Мальцев вернуть выходное пособие, выплаченное ему при увольнении?

Задача 2

Юлия Лебедева, студентка медицинского института, работала в платной поликлинике

медсестрой на полставки только в вечернее время. В связи с преобразованием поликлиники в диагностический центр, изменением организационной структуры и режима работы администрация предложила Юлии либо работать полный день, либо увольняться. Лебедева отказалась. Устраиваясь в поликлинику, она специально оговаривала, что будет работать только на полставки и только вечером, так как учится в институте, и администрация в одностороннем порядке, по ее мнению, не может нарушать трудовой договор. Решите спор.

В ПОРЯДКЕ КОМПЕНСАЦИИ

Впрочем, компенсировать «некоторые материальные затруднения», возникшие в процессе стремительной либерализации цен практически у каждого россиянина, разумеется, невозможно. И все-таки государство, и само оказавшееся в весьма затруднительном финансовом положении, стремится хоть как-то облегчить для своих граждан вхождение в рынок, устанавливая различные социальные выплаты. О них сегодня рассказывает юрист В. Демин.

21 апреля 1992 года Верховным Советом России был принят Закон о повышении минимального размера оплаты труда, который установил, что с 1 мая 1992 года на территории России минимальный размер оплаты труда составляет 900 рублей в месяц. В связи с этим 21 мая 1992 года Президент Российской Федерации подписал Указ «О повышении размеров социальных пособий и компенсационных выплат в 1992 году». В соответствии с этим нормативным актом повышены ежемесячные пособия по уходу за ребенком, ежеквартальные компенсационные выплаты семьям с несовершеннолетними детьми в связи с удорожанием товаров детского ассортимента, увеличены размеры некоторых других социальных выплат.

А теперь конкретно, кому, какие пособия и в каком размере выплачиваются.

Ежемесячное пособие в размере 500 рублей выплачивается:

— по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет работающим матерям, имеющим общий

трудовой стаж не менее одного года (женщинам, не достигшим 18 лет, независимо от стажа), а также матерям, обучающимся с отрывом от производства (при рождении двух и более детей пособие выплачивается на каждого ребенка);

— на детей одиноким матерям (вдовам, вдовцам) из числа бывших воспитанников детских домов (школ-интернатов);

— на детей в возрасте до 16 лет, инфицированных вирусом иммунодефицита человека или больных СПИДом.

Ежемесячные пособия в размере 450 рублей выплачиваются:

— одиноким матерям, имеющим детей в возрасте от 6 до 16 лет (учащихся, не получающих стипендию,— до 18 лет);

— на детей военнослужащих срочной службы;

— на детей в возрасте от 6 до 18 лет, родители которых уклоняются от уплаты алиментов, либо в других предусмотренных законодательством случаях, когда взыскание алиментов невозможно;

— на детей, находящихся под опекой (попечительством).

Ежемесячные пособия в размере 400 рублей выплачиваются:

— по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет работающим женщинам, не имеющим годичного стажа работы, и неработающим матерям (при рождении двух и более детей пособие выплачивается на каждого ребенка);

— на детей в возрасте от полутора до 6 лет;

— одиноким матерям, имеющим детей в возрасте до 6 лет;

— на детей в возрасте до 6 лет, родители которых уклоняются от уплаты алиментов, либо в других предусмотренных законодательством случаях, когда взыскание алиментов невозможно.

Единовременное пособие при рождении ребенка установлено в размере 2700 рублей на каждого ребенка. Теперь о **компенсационных выплатах**.

Они бывают квартальными и ежемесячными.

Ежеквартальные компенсационные выплаты производятся семьям с несовершеннолетними детьми в связи с удорожанием товаров детского ассортимента:

- для детей в возрасте до 6 лет — 250 рублей;
- для детей в возрасте от 6 до 13 лет — 300 рублей;
- для детей в возрасте от 13 до 18 лет — 350 рублей.

Указанные компенсационные выплаты производятся начиная со II квартала 1992 года в полном размере.

Ежемесячные выплаты в размере 200 рублей производятся на детей в возрасте до 16 лет (учащихся, не получающих стипендии, — до 18 лет), не получающих пособий и пенсий по действующей системе социального обеспечения.

Ежемесячные компенсационные выплаты в размере 300 рублей установлены:

— неработающему трудоспособному лицу, осуществляющему уход за инвалидом I группы или престарелым, нуждающимся в постоянном постороннем уходе по заключению лечебного учреждения, или достигшим 80 лет, а также за ребенком-инвалидом в возрасте до 16 лет;

— матерям (или другим родственникам, фактически осуществляющим уход за ребенком), состоящим в трудовых отношениях на условиях найма с предприятиями, учреждениями, организациями, независимо от форм собственности и находящимся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им 3-летнего возраста;

— неработающим женам лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел в отдаленных гарнизонах и местностях, где отсутствует возможность их трудоустройства.

С 1 июня 1992 года повышены также размеры стипендий обучающимся с отрывом от производства.

Для аспирантов, обучающихся с отрывом от производства в аспирантуре и докторантуре при высших учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях, стипендия должна составлять не менее 900 рублей, для успевающих студентов очных высших учебных заведений — 720 рублей, для успевающих учащихся очных средних специальных и профессионально-технических учебных заведений — 630 рублей.

Кроме того, студентам высших и учащимся средних специальных учебных заведений, аспирантам, обучающимся с отрывом от производства в аспирантуре при высших учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях, находящимся в академических отпусках по медицинским показаниям, будет выплачиваться ежемесячно по 400 рублей.

Что же вы, люди?!

Дорогая редакция!

Пишет вам инвалид Великой Отечественной войны, пенсионер. Меня постигло большое непоправимое горе, я потерял жену, с которой прожил 46 лет. Мне не удалось добиться, чтобы наказали людей, по-моему твердо убежденно, виновных в ее смерти и в том, что последовало за этим. Поэтому вы моя последняя надежда, прошу опубликовать на страницах журнала мое письмо. Может быть, какой-нибудь большой начальник прочитает этот рассказ и поможет мне. С другой стороны, мне кажется, что моя история заставит многих людей стать чуточку внимательней, отзывчивей и добрее к окружающим. И так...

В дни войны на станции Лихая встретил я девушку Валу, которой сказал: «Жив буду — не забуду, обязательно вернусь». После этого десятки раз смотрел смерти в глаза, но остался жив и сдержал свое слово. Вернулся к Валоше и женился на ней. Жили мы хорошо, народили двоих сыновей, учились, работали, растили детей и внуков.

В январе 1991 года решили мы с женой поехать в гости к младшему сыну Геннадию в город Рудный. Пробыв там всего 10 дней, затосковала Валентина о доме и стала поговаривать о возвращении. Я ж в это время ремонтировал сыну машину и просил Валентину по-

дождать несколько дней. Но она рвалась домой. «Ты, отец, помогай сыну, а я поеду одна, не в первый раз». Купил я же билет на поезд № 211 Новосибирск — Адлер. И вечером 7 февраля мы, все родственники, привезли ее на вокзал, усели в вагон № 13 и, расцеловав, отправились домой. А через три дня, 10 февраля, тем же поездом уехал домой и я. Приезжаю, а на двери дома висит замок. Я к соседям, а те утверждают, что жена домой не возвращалась.

Утром 12 февраля я начал бить тревогу: дал тринадцать срочных телеграмм всем родственникам. Через двое суток получил ото всех отрицательные ответы. Тогда я поехал в Адлер и отыскал тот самый поезд № 211. Мне повезло, что этот поезд и эта смена как раз проходили 8 февраля через Челябинск. Нашел бригадира поезда и расспросил его: не было ли аварий в пути? Не высаживали ли по болезни где-нибудь пожилую женщину? Мне ответили, что да, снимали больную с поезда, на какой точно станции, сказать не могут: то ли на Тихорецкой, то ли на Кавказской. На другой день мы с соседом поехали поездом в Тихорецк. В медпункте проверили журнал. Фамилии моей жены не оказалось. Затем проверили три больницы, морг. Нигде моей жены не оказалось. Я со слезами на глазах обратился к де-

журному врачу медпункта и попросил его обзвонить все останковки 211 поезда до Ростова и Армавира. Когда убедился, что мою жену не высаживали в этих местах, поехал в Сухуми, где заявил в милицию об исчезновении жены. Такие же заявления сделал в Сочи и Ростове.

А потом полетел в Челябинск и начал розыски жены с места ее выезда, из города Рудного. И в Челябинске, и в Кустанае подал заявление о розыске. А затем в Челябинске проверил 7 больниц и 3 морга, но нигде моей жены не оказалось. Милиция же установила, что моя жена от Рудного до Челябинска доехала, а дальше след обрывается...

Полетел домой — и там никаких известий. Чего только не передумал. Принял решение полететь в Тюмень. Там тоже подал заявление о розыске, проверил 9 больниц и 4 морга, но жены не нашел ... Вылетая из Тюмени, впервые узнал, где мое сердце: сжало грудную клетку, я упал без сознания на глазах у всех. Спасибо старшему лейтенанту милиции Тихонову, который вызвал «Скорую помощь». Мне сделали укол, и этот же старший лейтенант взял мне билет на самолет, и улетел я в Адлер.

Оттуда проехал на своей машине по маршруту поезда № 211 и наездил более 4 тыс. километров. Истерзал себя до невозможности, а найти жену не смог.

Наконец, 15 апреля внезапно получаю телеграмму из города Сердобска Пензенской области. В ней говорится, что моя жена, Левшенкова Валентина Андреевна, 1923 года рождения, снята с поезда № 211

9 февраля 1991 года и в центральной больнице скончалась. Там же в городе Сердобске 21 февраля была похоронена.

По этой телеграмме я выехал в Сердобск, а мой сын выехал туда из Рудного на своей машине.

Встретившись с сыном и его женой, мы начали уточнять через милицию (где нам в помощь дали подполковника Усачева), что же все-таки случилось.

Оказалось, в пути с моей женой стало плохо. На станции Сердобск к ней пригласили медсестру Незванову, она сделала моей жене укол и вызвала «Скорую помощь», на которой был врач Одинокоев. Он забрал мою жену в центральную больницу. При этом жена моя была жива, при ней были ее вещи и документы (паспорт с пропиской, пенсионная книжка и билет до Адлера).

Жену привезли в Центральную больницу города Сердобска и положили в палату № 1, где были все приспособления для спасения жизни человека. Но пока, по словам врача Корниловой, искали дежурного врача по корпусам, жена умерла. В беседе с главным врачом Архангельским выяснилось, что после определения смерти по внешним признакам через 10—15 минут мою жену погрузили в «Скорую» и сразу же отвезли в морг, чтобы не заводить историю болезни и уменьшить показатель смертности по больнице.

Судмедэксперт Абашев на вопрос о том, сколько дней пролежал труп жены в морге до вскрытия, отвечать категорически отказался. А фактически вскрытие было произведено через 10 дней после смерти. А

не вскрывали потому, что не было направления из милиции.

Основным виновником того, что мне ничего не было сообщено, я считаю, является судмедэксперт Абашев, ведь все документы моей жены находились у него. Меня поражает, как может быть врач таким жестоким к людям?!

В загсе Сердобска факт смерти моей жены не был зарегистрирован и свидетельство не выписывали. Фактически труп был скрыт.

На кладбище в журнале регистрации покойников моей жены не значится. При наличии паспорта с пропиской похоронное бюро похоронило мою жену как неизвестную.

...Я, подполковник Усачев, начальник похоронного бюро Черненко, мой сын и его жена пошли к месту захоронения. Я потребовал откопать могилу. За это с меня взяли 180 рублей. Я попросил открыть крышку гроба для опознания. За это с меня Черненко потребовал 200 рублей. Я снова расплатился. И когда открыли крышку, увидел свою родную жену, брошенную в гроб как попало, совершенно голую, даже не прикрытую простыней...

Но, как говорят, свет не без добрых людей — начальник милиции подполковник Сластухин и его заместитель подполковник Усачев помогли мне в изготовлении цинкового гроба и помогли уехать до Харькова.

В Харькове, на мою беду, поезда на Кавказ временно не ходили. Выбившись из последних сил, кое-как на такси доехал до аэропорта.

В аэропорту я обратился к начальнику и дежурному по смене. Мне стало плохо — сердечный приступ. Вызвали «Скорую», сделали мне укол, привели в чувство. И эти два человека, дай им Бог здоровья, мне помогли. Они организовали покупку билета, перевозку гроба с железнодорожной станции в аэропорт, устроили в гостиницу.

Утром вместе с гробом я вылетел в Адлер. В Адлере встретил на машине старший сын Валерий, и мы повезли гроб домой, в Гудауту. Только 20 апреля я похоронил свою жену как положено, а померла она 9 февраля.

П. ЛЕВШЕНКОВ,
пенсионер, инвалид
Отечественной войны
II группы, г. Гудаута

ПРИВАТИЗАЦИЯ ЖИЛЬЯ: права и ответственность

Существуют частности, наличие которых позволяет сразу представить себе явление в целом. В нашей поразительно динамичной жизни, заполненной разрушением и возникновением целых государств, сменой социального строя и общественного мировоззрения, приватизация жилья кажется, на первый взгляд, чем-то мелким и несущественным.

А между тем по остроте и продолжительности полемики вокруг нее эта проблема даст фору многим другим, глобальным. Более того, приватизация жилья — та часть, которая помогает сразу сориентироваться в политическом водовороте, отличить сторонников реальных рыночных реформ от любителей их имитации.

Закон Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в РСФСР» принят еще в июле 1991 года, а споры вокруг его главного пункта: приватизировать или не приватизировать жилой фонд — с тех пор нисколько не утихли. Попробуем проанализировать его содержание.

Закон небольшой по объему: он состоит из преамбулы и 26 статей, объединенных в три раздела. В преамбуле закреплены цели его принятия:

а) создание условий для осуществления права граждан на свободный выбор способа удовлетворения потребностей в жилье;

б) улучшение использования и сохранности жилищного фонда.

Реализация этих целей, согласно преамбуле, должна, в свою очередь, дать гражданам возможность:

а) эффективно вкладывать свои средства;

б) осуществлять накопление недвижимой собственности;

в) выступать с ней на рынке недвижимости;

г) свободно владеть, пользоваться и распоряжаться своим жильем.

Таким образом, законодатель пытается решить ряд важнейших задач.

Во-первых, резко расширить круг собственников. Действительно, приватизация предприятий — процесс долгий и хлопотный. И не каждому удастся реально превратиться в собственника производственных мощностей. Приватизировать же квартиру способна значительная часть городского населения. Кроме того, стоимость жилья непрерывно возрастает, что позволяет повышать уровень благосостояния граждан.

Во-вторых, возникающий рынок жилья создает необходимые предпосылки для рынка труда: человек перестает быть привязанным к месту нахождения своей квартиры. Он может продать ее и переехать в другую местность, где, в свою очередь, приобретет новое жилище.

Из приведенных положений преамбулы явствует, что

она направлена на расширение свободы гражданина: свободы (от произвола чиновников при распределении государственной жилплощади, свободы от унижительной прикреплённости к одному месту жительства, наконец, свободы от нищеты. Все эти положения Закон декларирует весьма торжественно.

Вместе с тем в преамбуле звучит и жалобная нотка, когда целью Закона провозглашается улучшение сохранности и использования жилого фонда. Увы! Законодатель вынужден признать, что из титанической попытки государства взвалить на свои плечи все заботы о жилом фонде ничего не вышло. Как уже указывалось в печати, каждый пятый дом в городах России не имеет комплексного благоустройства. Десятки городов лишены централизованного водоснабжения и канализации. Значительная часть жилого фонда быстро приходит в ветхость из-за недостатка средств и сил для поддержания его в нормально функционирующем состоянии. Таким образом, приватизируя жильё, наряду с собственностью и свободой, граждане приобретают и весомую ответственность.

За преамбулой следует раздел I — «Общие положения». Согласно статье 1, «приватизация жилья — бесплатная передача или продажа в собственность граждан на добровольной основе занимаемых ими жилых помещений в государственном и муниципальном жилищном фонде». Формулировка краткая, но очень ёмкая. Рассмотрим основные ее элементы.

Во-первых, речь идет о приобретении гражданами жилья в собственность.

Во-вторых, может быть приобретено лишь то жилое помещение, которое гражданин уже занимает. Таким образом, в законе нет речи о покупке вновь построенного, но еще не распределенного жилья.

В-третьих, приватизации подлежат жилые помещения, составляющие государственный или муниципальный жилой фонд. Статья 4 Закона вносит дополнительные ограничения: не подлежат приватизации жилые помещения, находящиеся в аварийном состоянии, не отвечающие санитарно-гигиеническим и противопожарным нормам, в общежитиях, коммунальных квартирах, домах — памятниках истории и культуры, в домах закрытых военных городков, а также служебные жилые помещения, за исключением жилищного фонда совхозов и других сельскохозяйственных предприятий, к ним приравненных.

Законодатель предоставляет местным Советам народных депутатов, предприятиям и учреждениям право с учетом мнения коллективов принимать решения о приватизации служебных жилых помещений и коммунальных квартир.

В-четвертых, приватизация возможна лишь на добровольной основе — гражданин не может быть «одарен» жилищной собственностью вопреки своему желанию. Более подробно принцип добровольности раскрыт в статье 2 Закона. В ней сказано, что граждане, проживающие в соответствующих жилых помещениях по договору найма или аренды, могут приобрести эти помещения в собственность лишь с согласия всех совместно проживающих совершеннолетних членов семьи.

Наконец, Закон предоставляет главный выбор: приватизация может быть осуществлена в форме бесплатной передачи жилья в собственность граждан либо в форме его продажи. Именно этот вопрос стал камнем преткновения в работе многих Советов. Например, в Москве споры о порядке передачи жилья затянулись на долгие месяцы, изрядно потеснив все остальные вопросы. Борьба с переменным успехом шла сначала в стенах Моссовета. Затем, с образованием городской администрации началось многомесячное противостояние между мэрией и городским Советом.

Проектов приватизации появилось множество. Изучение наиболее сложных из них требует не только хороших знаний, но и крепкой нервной системы, упорства и прилежания. Не пытаясь дать описание этих проектов (некоторые из них занимают немало страниц), укажу лишь на то, что противники бесплатной приватизации преследовали следующие цели:

а) перераспределение жилья от состоятельных граждан к малообеспеченным;

б) предоставление денежной компенсации гражданам, имеющим жилую площадь ниже установленных нормативов;

в) укрепление местных бюджетов, страдающих от хронического безденежья, за счет поступлений от продажи жилья;

г) реализацию принципа социальной справедливости.

Можно смело сказать, что последняя цель доминировала, а остальные во многом были ей подчинены: депутаты, значительная часть которых пришла к победе на вы-

борах под лозунгом борьбы с привилегиями, настороженно отнеслись к идее бесплатной приватизации жилья. Отдать, оно, конечно, можно, но уж пусть заплатят сполна. Души многих согревала и мысль о социальной мести бывшим партократам, завладевшим лучшими помещениями в городах.

Однако очень скоро выяснилось, что перечисленные цели не очень-то достижимы. Пополнить бюджеты малореально, потому что стремительное обесценивание денег съедает поступления от продажи жилья.

Перераспределения жилья тоже не получилось: обладателю излишков жилой площади оказалось выгоднее их попридержать. А в крайнем случае продать спекулянтам, которые могут заплатить хорошие деньги или предложить своеобразный бартер.

Денежная компенсация гражданам, имеющим жилую площадь ниже установленных нормативов, также оказалась хороша только в теории, а на практике эфемерна, не подкреплена материальными средствами.

Наконец, борьба за социальную справедливость приобрела форму весьма сложной и неоднозначной полемики. Конечно, в наших постоянно «особых условиях» проблема социальной справедливости обострена чрезвычайно. Достаточно вспомнить уже приводившиеся в печати данные: обеспеченность жильем населения России в 5 раз ниже, чем в Норвегии, и в 4 раза ниже, чем в США. Даже большинство восточноевропейских стран обеспечили каждую семью отдельной квартирой. Нам об этом пока не приходится и мечтать. Отсюда — стремление многих депутатов не передавать бесплатно, а обязательно продавать жилье, причем взимать максимум оплаты с каждого «лишнего» метра и с добротных потребительских свойств квартиры.

Второй раздел Закона «Основные принципы и условия приватизации жилья» устанавливает минимальный норматив бесплатно приватизируемой жилой площади: не менее 18 квадратных метров общей площади на одного человека и дополнительно 9 кв. метров на семью с учетом потребительских качеств жилья (статья 12). Вот эти последние слова и не привлекли на первых порах внимание многих сограждан. Подсчитав общую площадь на основании указанного норматива и не ожидая никаких денежных взысканий со стороны государства, люди устремились в органы приватизации и были неприятно по-

ражены, узнав, что придется доплачивать не одну тысячу рублей.

Все дело в том, что Закон предусматривает определение среднего уровня потребительских качеств домов в конкретных населенных пунктах (статья 14). В результате гражданин вынужден оплачивать не только «лишние» метры, но и более высокий, по сравнению со средним, уровень потребительских качеств своей квартиры.

Такое понимание социальной справедливости встретило немало противников. Не буду повторять наиболее распространенные их аргументы. Остановлюсь лишь на двух моментах.

Во-первых, из чего исходят сторонники продажи жилья? Из уравнительного принципа. Откроем один из популярных журналов и прочитаем: «Мы исходили из того, что городская община... является коллективным собственником всего жилого фонда. Следовательно, каждый ее член имеет на него равное право и может изъять свою долю». На первый взгляд, логично. Так и веет добрым крестьянским социализмом, прочным, еще достойпинским.

Однако заглянем теперь в святцы социалистической премудрости и воспроизведем все-таки основополагающий принцип социализма — «от каждого — по способностям, каждому — по труду». Следовательно, и жилой фонд необходимо было бы распределять по труду. А распределялся он в основном по потребностям (точнее сказать, по степени неудовлетворенности потребностей — количество метров и т. д.). А как определить реальный вклад каждого гражданина в созданный государственный жилой фонд? По уровню заработной платы и, соответственно, налогов, шедших в общий котел? Сомнительно, если учесть резкие перекосы в оплате труда разных социальных слоев (например, недоплату интеллигенции). Кроме того, немало передовиков получало свою заработную плату за выпуск повышенных объемов никому не нужной продукции, нанося тем самым многократный ущерб общественному благосостоянию. Боюсь, определить реальный вклад каждого на сегодняшний день не представляется возможным.

Во-вторых, рассмотрим следующую ситуацию. Гражданин А. в числе немногих счастливицок вселился в свое время в отдельную квартиру пятиэтажной новостройки. Гражданин Б. в это же время укреплял свои дух и тело

в борьбе за места общего пользования в коммунальной квартире с восемью (предположим) соседями. Впрочем, жизнь улучшалась, и по истечении двух с половиной десятилетий борьбы гражданин Б. въехал, наконец, в отдельную квартиру улучшенной планировки. Наступила приватизация. Гражданин А. вполне справедливо требует взыскать при проведении приватизации солидную сумму с гражданина Б., так как жилищные условия последнего на сегодняшний день, несомненно, лучше. Однако закаленный в коммунальных сражениях гражданин Б. убежден, что взыскивать необходимо с потерявшего чувство меры гражданина А., причем взыскивать не только за два с половиной десятилетия коммунальных мытарств, но и за наглое покушение на только что приобретенное Б. благополучие. Кто прав? Пусть разбираются юмористы и... поборники социальной справедливости.

Впрочем, аргументация у сторонников как платной, так и бесплатной приватизации жилья неисчерпаема. В Москве победила администрация — она сумела настоять на бесплатной приватизации. Немалую роль в этом сыграли многочисленные жалобы горожан на усложненность самого платного процесса, на вымогательство разного рода чиновников и членов приватизационных комиссий. Хотя, согласно статье 15 Закона, оценка стоимости квартир, передаваемых в собственность граждан, рассчитывается независимыми комиссиями, создаваемыми при местных Советах народных депутатов, с обязательным участием народных депутатов, представителей профсоюзных организаций, трудовых коллективов, финансовых органов и банков, а также граждан, приобретающих жилые помещения. Однако на деле «независимость» комиссий не всегда выдерживала проверку земными соблазнами.

В других городах приватизация осуществляется путем продажи жилья. Видимо, это в определенной мере сказалось на результатах первых месяцев приватизации. Так, к маю 1992 года в Москве приватизировано сто тысяч квартир — в два раза больше, чем во всей остальной России.

Следует отметить, что Закон предоставляет каждому гражданину право бесплатно приватизировать жилое помещение лишь один раз (статья 11).

Передача и продажа жилья в собственность граждан оформляется договором между гражданином, с одной

стороны, и Советом народных депутатов (предприятием, за которым закреплен жилищный фонд на праве полного хозяйственного ведения; учреждением, в оперативное управление которого передан жилищный фонд) — с другой. Право собственности на приобретение жилья возникает с момента регистрации договора в исполнительном органе местного Совета (статья 7).

Закон устанавливает двухмесячный срок решения вопроса о приватизации жилья со дня подачи документов. Нарушение этого срока является основанием для привлечения виновных должностных лиц к ответственности (статья 8). Кроме того, в случае нарушения прав гражданина при решении вопросов приватизации он вправе обратиться в суд.

Для оказания помощи гражданам в процессе приватизации Закон предусматривает возможность использования долгосрочных кредитов, предоставляемых на льготных условиях, а также в рассрочку и в порядке, определяемом Советами, предприятиями и учреждениями (статья 19).

Для граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий (по установленным нормам), в период перехода к рыночным отношениям сохраняется действующий порядок постановки на учет и обеспечения жилыми помещениями (статья 10).

Получение жилого помещения в собственность — приятное событие. Однако за ним следует серьезное испытание — испытание ответственностью. Большинство забот по уходу за жильем перемещается с плеч государства или муниципалитета на плечи нового собственника. Долгие годы гражданин ругал государственные службы за несвоевременный и некачественный ремонт, за мелкие вымогательства работников ЖЭКа, ДЭЗа и т. д. Посылал им, «злодеям», проклятья, мечтал отряхнуть их прах со своих ног. И вот свершилось — оказался один на один со своими проблемами.

Закон четко определил: обслуживание и ремонт приватизированных жилых помещений осуществляется за счет средств их собственников (статья 21 раздела III «Обслуживание и ремонт приватизированного жилья»). Правда, статья 22 гласит: «Оплата расходов, связанных с обслуживанием и ремонтом приватизированных жилых помещений, производится собственниками по ставкам, установленным для обслуживания государственного и му-

ниципального жилищного фонда». Однако эта формулировка несколько туманна. Неясно, распространяются ли на новых собственников государственные дотации. Видимо, нет.

Собственники жилых помещений в частично приватизированных домах участвуют в расходах, связанных с обслуживанием и ремонтом инженерного оборудования, мест общего пользования дома и содержанием придомовой территории соразмерно занимаемой ими площади в этом доме (статья 24).

Таким образом, расходы граждан на содержание и ремонт квартир и дома в целом неизбежно возрастут. Можно предположить и стремление обслуживающих организаций подправить свои дела за счет новоиспеченных собственников. Кроме того, собственникам придется платить налог на недвижимость. Есть от чего дрогнуть сердцу гражданина, делающего первые робкие шаги к рынку.

Где же выход? Их даже несколько.

Первый — в разумном размере налога на недвижимость. Он не должен способствовать удушению собственника.

Второй — в изменении дотационной политики государства. Все граждане независимо от того, в каком жилом фонде они проживают (государственном, муниципальном, частном и т. д.), должны нести одинаковые расходы за одинаковые услуги. Исключение — малообеспеченные семьи.

Третий выход подсказывается самим Законом, который предусматривает право собственников создавать товарищества и иные объединения (статья 21). За государственными жилищно-эксплуатационными и ремонтно-строительными организациями сохраняются обязательства по обслуживанию и ремонту приватизированных жилых помещений по договору с их собственниками (товариществами и иными объединениями) — статья 22. Кроме того, собственники жилых помещений в полностью приватизированных домах наделяются правом самостоятельно определять организацию для обслуживания дома (государственную, частную и т. д.) — статья 23.

Не думаю, что дополнительные хлопоты по хозяйству очень привлекательны для граждан. Однако существуют объективные тенденции, отменить которые не-

возможно. В этом случае мы имеем дело с одной из них — расширение слоя собственников — единственная база для территориального общественного самоуправления. А территориальное самоуправление, в свою очередь, необходимое условие для эффективного функционирования собственности.

В связи с этим хотелось бы сделать небольшое отступление. В середине 80-х годов автор этих строк увлекся исследованиями проблем общественной самодеятельности (о самоуправлении речь еще не шла). Плачевное состояние домкомов и уличкомов производило удручающее впечатление. Все попытки действовавших тогда партийных и государственных органов оживить общественную самодеятельность не давали серьезных результатов. Постепенно среди ученых и практиков стала приобретать силу убеждения в общем-то простейшая мысль — без серьезной заинтересованности, в первую очередь материальной, никто самоуправляться не будет.

Как ни странно, эта простая мысль очень трудно входила в общественное сознание, привыкшее к штампам «бескорыстного общественного служения», «общественной работы» и т. д.

Развитие территориального самоуправления жителей постепенно вошло в особую моду как в Москве, так и в других регионах. Большинство партийных территориальных руководителей стремились сподвигнуть на него граждан. Однажды я был приглашен на аудиенцию к молодому и весьма прогрессивному партийному секретарю одного из райкомов столицы. Обсудив в духе времени проблему демократизации страны, мы перешли к прозе жизни: самодеятельности граждан по месту жительства. «Понимаете, — сказал прогрессивный секретарь, — в скором времени нашу работу должны проверять оттуда (указательный палец секретаря устремился вверх). И мы искренне хотели бы не ударить в грязь лицом и срочно активизировать наших граждан. Предложите такую организационную форму работы с населением, которая «встряхнула бы» наше сонное царство».

Моя ответная речь была короткой и печальной: увы, никакие организационные предложения в такой срок никого не активизируют. Нужны большие реформы, и одна из них — приватизация жилья. Стоило мне об этом заикнуться, дружелюбный настрой моего собеседника резко понизился, а глаза поскучнели. Расстались мы про-

хладно. Каюсь, до сих пор не знаю, как прошла проверка «сверху».

Минуло лишь несколько лет, и жизнь весьма жестко поставила проблему соединения свободы и ответственности, собственности и самоорганизации. Главное — умело взяться.

В заключение еще несколько замечаний. Много вопросов у граждан порождает приватизация ведомственного жилья. Идет она со скрипом — ведомства не хотят отдавать его гражданину. Неудивительно, что в Москве, например, приватизирована ничтожная часть ведомственного жилого фонда — одна тысяча квартир! Управленцы ищут средства воздействия на ведомства. Я же разделяю мнение тех юристов, которые полагают, что Закон о приватизации жилья дает основания гражданину подавать заявления о приватизации ведомственной квартиры, а в случае отказа обращаться прямо в суд. Это естественно, поскольку Закон рассматривает ведомственное жилье в качестве государственного.

О возможности приватизации коммунальных квартир уже было сказано выше. Стоит лишь еще раз отметить, что «коммуналки» приватизируются с согласия всех проживающих в них совершеннолетних жильцов.

Особый разговор о приватизации кооперативного жилого фонда. Строго говоря, рассмотренный закон не регулирует порядок приватизации кооперативных квартир. Действительно, в преамбуле закона четко сказано, что приватизация — бесплатная передача или продажа жилых помещений в государственном, в муниципальном жилом фонде. Как видим, кооперативная жилая площадь в этот перечень не попадает.

Приватизация кооперативных квартир может осуществляться на основе Закона о собственности, предусматривающего возникновение права собственности на кооперативную квартиру после выплаты членом-пайщиком всего пая.

НЕ СГОРЕТЬ БЫ В ОБЩЕМ ПОЖАРЕ

ВАРИАНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОГНОЗА

По воле обстоятельств мне неоднократно приходилось бывать в оргкомитете VI внеочередного съезда народных депутатов СССР в гостинице «Москва». И каждый раз,

когда я туда приходил, то видел гору писем, адресованных союзным депутатам. Вскрывая эти письма, техническая служба оргкомитета очень часто находила в конвертах деньги. Их посылали тысячи людей. Кто-то отправлял пять рублей, кто-то двадцать пять, извиняясь при этом, что выслать более крупную сумму нет возможности. Граждане со всех республик бывшего СССР жертвовали на организацию и проведение запрещенного и, увы, явно бесперспективного съезда. А это значило, что у них есть не только желание, но и решимость восстановить единое государство. Такая же решимость, видимо, есть и не у рядовых, не у полунищих граждан, а у тех, кто распоряжается или владеет крупными средствами.

Созыв съезда потребовал немалых расходов. Оплатить их лишь за счет пятирублевых пожертвований было невозможно. Но организаторы съезда оплатили все. А из этого следует, что их тайно или явно финансировали влиятельнейшие в обществе люди — промышленники и коммерсанты. Им, выходит, нужно единое государство. О вероятности борьбы за его восстановление говорит и то, что на митинг в поддержку VI съезда собралось не менее 300 тысяч москвичей. Они, конечно же, не представляли всю Москву и тем более всю страну. Но активность меньшинства всегда, как правило, отражает настроение большинства. Убедиться в этом легко, вспомнив многолюдные митинги в столице против всевластия КПСС. На них тоже не была представлена ни вся Москва, ни вся страна. Но, как позже выяснилось на выборах, эти митинги точно копировали общественное мнение. Такова реальность. И стало быть, массовый митинг, скандирующий: «Со-вет-ский Со-юз!» есть нечто гораздо большее, чем небольшая в масштабах страны 300-тысячная группа единомышленников.

Вопрос: «Быть или не быть единому государству в границах СССР?» — остается открытым. Ответить на него может лишь время. И те, кто сегодня заявляют, что кончина «советской империи» уже состоялась, явно не в ладах со здравым смыслом. Единую великую державу невозможно разом отправить в небытие, невозможно хотя бы потому, что она слишком долго складывалась и многожды доказывала свою способность к выживанию.

То государство, которое десятки лет называлось Советским Союзом и несколько веков именовалось Россией, стало сразу известно миру как монолитная империя

Олега, с которой нельзя было не считаться ни близким, ни дальним соседям. Чуть позднее древний летописец, перечислив правителей империи — князей Владимира, Игоря и Святослава, писал: «Ведь не в бедной и неизвестной стране они были владыками, но в русской, о которой знают и наслышаны во всех четырех концах земли».

С тех пор минула тысяча лет. И кто только за это тысячелетие не пытался сокрушить страну, зародившуюся на Днепре и Припяти, на Волхове и Двине,— степные ханы и польские паны, король Карл и император Наполеон, дуче Муссолини и фюрер Гитлер. Но все попытки сокрушения и закабаления империи заканчивались одним и тем же: умываясь кровью, она теряла свои владения и каждый раз не только восстанавливалась в былых границах, но и расширяла их.

Народы Аппенинского полуострова создали великую Римскую империю. Но после вторжения варварских племен никогда уже не сумели воссоздать ее. Не судьба. Многократное же восстановление единого государства народами нашей страны — свидетельство иного для них Божьего предназначения. Повторится ли история снова в конце XX века?

Прогноз на будущее СССР — СНГ невозможно сделать, не рассмотрев прежде причин кризиса советского государства, не совершив краткий исторический экскурс.

Русский летописец начала XVII века в свое время задавался вопросом: «Почему в упадок пришла преысокая Россия и был разрушен такой крепкий ствол?» И сам отвечал на него: «Да потому, что живущие в России цари начали волховать и чародействовать — вместо людей церкви и сынов православия возлюбили они детей сатаны». Словосочетание «дети сатаны» летописец относил к боярам-изменникам, к алчущим власти авантюристам и «ворам» всех мастей, которые, пользуясь потворством царей, затеяли корыстные игры с иноземцами и ввергли государство в смуту.

Нечто похожее произошло и теперь — спустя почти четыреста лет. Имущие власть в Кремле также дали волю и высокопоставленным перевертышам, и властолюбивым авантюристам, и «ворам»-мафиози. А они нашли общий язык с ищущими наживы иноземцами, которые пришли к нам на сей раз не с ружьем, а с долларами. И в результате втянули нас в хаос и междоусобицы.

Когда во второй половине восьмидесятых годов новый лидер СССР Горбачев впервые заговорил о реформе власти, то в народе его восприняли как Михаила Долгожданного. Необходимость такой реформы осознавалась всеми и всем, по крайней мере подавляющему большинству населения была желанна.

Существовавшая тогда система власти обеспечивала стране спокойствие и порядок, но лишала ее возможности развития. Всемогущий союзный центр, распоряжаясь всем и вся и карая за каждое отступление от своих директив и инструкций, глушил тем самым энергию общества. Поэтому новое качество жизни не могло быть достигнуто без нового качества государственного управления. Его реформу ожидали все. Ожидали трудовые коллективы, связанные по рукам и ногам «указивками» министерства. Ожидали целые народы, которым без разрешения со Старой площади не позволялось даже отмечать национальные праздники. Ожидали местные руководители разных уровней, которые были неправомочны самостоятельно решать самые элементарные вопросы.

Центру в интересах благополучия страны предстояло поделиться своей огромной хозяйственной и политической властью. Во-первых, заменить всеобщее директивное планирование директивно-рекомендательным и по мере становления внеадминистративного распределения ресурсов, вообще отпускать некоторые предприятия на волю: берите коммерческий кредит, производите, что хотите, и кормитесь на доходы от проданного. Во-вторых, признать за национальными общинами право на культурную автономию вне зависимости от места проживания. В-третьих, сохраняя вертикальную подчиненность территориальных органов управления, каждому из них, начиная с сельсовета, предоставить полномочия, необходимые для полноценного самоуправления.

Первый шаг к передаче вниз доли власти Центр сделал в 1987 году, приняв Закон о социалистическом предприятии. Он не блистал совершенством, не имел механизма исполнения и не нес трудовым коллективам оптимальной хозяйственной свободы. Но вплотную приближал их к ней. И его появление означало не заявку, а завязку реформы государственного управления. И если бы вслед за ним появились законы, дарующие культурную автономию нациям и реальные права местным Советам, то многие препятствия для социально-экономического раз-

вития страны были бы сняты. Скинув бюрократические оковы, она взялась бы за работу, а не ринулась на митинги. Но Центр почему-то не захотел доводить до ума начавшуюся реформу, а замахнулся свершить революцию: вместо передела власти внутри целостной государственной системы приступил к демонтажу самой этой системы.

В 1988 году на основе рекомендаций XIX Всесоюзной партконференции были приняты поправки к Конституции СССР, которые позволили разрезать монолитное тело страны на 15 административных уделов. Они устраняли неформальный, но реальный Центр — ЦК КПСС и заменяли его Центром официальным, но фиктивным — Съездом народных депутатов СССР, парламентом и правительством Советского Союза, решения которых, согласно Конституции, были необязательны для республик. После вседержавных выборов 1989 года СССР уже не являлся централизованным государством де-факто. А после региональных выборов 1990 года он перестал быть таковым и де-юре: народ, уставший от пустопорожних обещаний Кремля, избрал в республиканские парламенты лидеров, которые не замедлили выступить с декларациями о суверенитете своих территориальных образований. В итоге произошло мирное разрушение единой страны. И мы попали в водоворот великой смуты, которой не видно конца и о последствиях которой страшно помышлять.

Был ли развал СССР осуществлен по заранее подготовленному сценарию или он совершился из-за бездарности высших руководителей страны, не сумевших предложить потребных народу реформ? Предположить можно и то, и другое.

Заинтересованность Запада в губительной для СССР смуте — не выдумка русских патриотов. Вот мнение на сей счет известного социолога, бывшего профессора американского военного института в Гармише, а ныне пенсионера США Абдурахмана Авторханова: «Уже более 65 лет Советский Союз был и остается рынком сбыта и источником сырья для западных индустриальных стран. С гибелью «советского социализма» Запад потерял бы не только гигантский бизнес. Но у него появился бы на мировом рынке страшнейший в его истории конкурент, поскольку освобожденная от догматических оков коммунизма экономика великой страны с ее талантливым наро-

дом была бы способна на такие экономические чудеса, которых не знал классический капитализм даже в его лучшие времена».

Убедиться в этой же мысли можно, и заглянув, например, в книгу ведущего политолога США Збигнева Бжезинского: «Поощряя требования нерусских народов к большому уважению их национальных прав, можно постепенно переориентировать политический процесс в Советском Союзе на сложный и поглощающий силы вопрос, а именно: перераспределение политической мощи. Очевидно, что, с точки зрения Запада, было бы желательно, чтобы главной заботой советского руководства стала именно эта проблема, а не проблема экономических реформ; решение которой может усилить способность к соревнованию с США... Настал момент для проявления инициативы по реализации обширной программы радиовещания на многих языках (народов СССР.— Н. А.), внедрения аудиовизуальных кассет, а также оказания технического содействия в публикациях независимой внутренней политической литературы. Финансирование этих программ необходимо, по крайней мере, утроить».

Рекомендации Бжезинского никогда не пропадали даром. Утроилось или удесятерилось финансирование смуты в СССР в конце восьмидесятых — начале девяностых, нам не ведомо. Но то, что западные политики не жалели денег,— факт очевидный. Сведений о том полно в печати. Откроем, например, еженедельник «Новый путь», выходящий в канадском городе Торонто: «В мае 1990 года руководство Руха (украинского национального движения.— Н. А.) в лице Ивана Драча и Михаила Горыня обратилось к сторонникам Руха в канадской диаспоре с просьбой о финансовой помощи в приобретении технической и канцелярской аппаратуры. Очень скоро была собрана нужная сумма — 138 000 долларов». И еще одна цитата. Принадлежит она заместителю Драча Поровскому. Из его слов, обращенных к читателям «Вестника Руха», следует, что после одной из поездок лидеров национального движения Украины за границу «оттуда приехала типография, прилетели самолеты с лекарствами, которые обеспечили надежную пропагандистскую базу во время избирательной компании. Оттуда приехали ксероксы...».

Если участие Запада в разжигании у нас межнациональных страстей и его финансовая и материальная под-

держка национал-сепаратистов тайны не составляют, то свидетельств о подкупе им коммунистических хозяев Кремля мы не имеем никаких. Верить в такой подкуп не хочется. Думать о нем противно. Но не думать нельзя...

Позиция Горбачева и его окружения не поддается ни пониманию, ни объяснению. Они разрешили массовую пропаганду за развал страны и даже пальцем не пошевелили, когда он начался. Вопиющее нарушение Конституции СССР, выразившееся в провозглашении верховенства республиканских законов над союзными, где еще такое возможно?

На землях США было в прошлом 13 суверенных колоний. Германия в свое время образовалась из 25 независимых государств и вольных городов. Современная Италия родилась от трех королевств, четырех герцогств и одного княжества. Если бы сейчас местные депутаты какой-то из некогда обособленной территории США, Германии и Италии провозгласили ее суверенитет, то что бы сделали первым делом руководители этих стран? Обвинили бы лидеров-суверенитетчиков в нарушении Конституции и, возможно, посадили их в тюрьму. Сомневаться в этом не приходится, ибо всем известно, с какой твердостью в странах Запада отстаивается территориальная целостность государств.

Разные премьер-министры Великобритании преследуют сепаратистов Северной Ирландии. Правительства Испании, несмотря на тысячи смертей, вызываемых национальным движением в Стране Басков, не признают ее независимости. Высшие чины Канады и мысли не допускают о каких бы то ни было уступках тем, кто стремится отделить франкоязычную провинцию Квебек. Власти Франции «придавливают» любое поползновение к отделению Новой Каледонии и Корсики.

Жестокость Запада в отношении к его собственным сепаратистам вполне оправдана. Правительства Великобритании, Испании, Канады, Франции, подавляя амбиции меньшинства своих граждан, защищают покой абсолютного большинства.

Все многоэтнические государства создавались войнами, где были победители и побежденные. И в любом из таких государств есть разные национальные группы, считающие себя ущемленными в правах и имеющие собственные устремления. Уступки одной из этих групп ведут к подъему активности другой и третьей. Если, скажем,

Франция выпустит завтра на волю Корсику, то не будет никаких гарантий, что послезавтра Ницца и Бретань не пожелают отойти к Италии, а Эльзас и Лотарингия не решат воссоединиться с Германией. Сохранение территориальной целостности давно сложившихся государств есть необходимое условие мира в них, ибо любой передел территории — это всегда война. Государства без крови не создаются и не распадаются. И всякая попытка объявить суверенитет внутри единой страны является подготовкой к кровопусканию.

Почему горбачевская команда не захотела учесть эту простую истину? Почему она допустила возникновение суверенизации и территориальные споры и войны в Азербайджане, Грузии, Молдове, хотя могла бы не допустить их, если бы действовала так, как действуют друзья Горбачева — премьер-министр Великобритании, король Испании и президент Франции? Ответом на этот вопрос пока могут быть только два предположения: либо большинство горбачевской команды действовало по сценарию тех, кто заинтересован в смуте в СССР, либо оно, искренне заблуждалось, наивно считало, что можно закрыть глаза на пропаганду сепаратизма и сохранить при этом государственную целостность страны.

С тех пор, как раскол Советского Союза был документально оформлен, минуло больше полугода. Что стало видно за это время? Прежде всего то, что попытка расчленить СССР есть попытка разделить неделимое.

Седые руководители союзных некогда республик, объявив об их полной независимости и заменив СССР, на СНГ, уподобились по сути дела расшалившимся детям, которые в отсутствие родителей решили поделить меж собой их общую квартиру. Один провозгласил суверенитет в кухне, другой — в ванной, третий — в спальне. Всем им хочется быть независимыми друг от друга. Но в кухне неудобно спать и мыться, а в ванной и спальне трудно приготовить обед. Поэтому они, объявив на время границы внутри квартиры прозрачными, приступили к созданию автономного жизнеобеспечения: каждый прорубает свою дверь на улицу, каждый обустроивает собственную систему энергоснабжения, каждый затаскивает к себе новую мебель. «Процесс пошел». Но, оказывается, полный суверенитет отдельной части квартиры стоит бешеных денег. Помимо того, выясняется: то, что можно сделать в суверенной ванной, нельзя сде-

лать в суверенной спальне и наоборот. А кроме того, от прорубания множества дверей на улицу пришли в негодность стены и на голову суверенных обитателей квартиры в любой момент может обрушиться потолок.

Это сравнение принадлежит народному депутату России Михаилу Астафьеву, и оно, наверное, как и всякое сравнение, сильно хромает. Сплошная суверенизация в нашей единой державе, по всей видимости, не столь абсурдна, как сказано выше. Но ведь и не разумна же!

Президент Ельцин заявил недавно, что не знает, сколько производимых в России товаров вывозится за ее пределы. И знать он это при прозрачных границах не может. Но как ему в таком случае бороться за наполнение прилавков в российских магазинах, как взимать налоги с продаж, как наладить нормальный товарооборот и, наконец, стабилизировать денежное обращение, если сотни миллионов рублей уплывают за прозрачные границы и обратно не возвращаются?

СНГ не способно принести ни одному из входящих в него государств ничего, кроме хаоса, неурядиц, взаимных обид и претензий. Ни одно государство не может быть самостоятельным, если оно само не контролирует происходящие в нем процессы. Каждое правительство в СНГ сегодня напоминает главу семьи, в дом которой все, кому угодно, могут войти в любое время, что угодно принести и что угодно вынести. Как при этом навести хотя бы элементарный порядок? Порядок в государствах СНГ возможен только при полном их обособлении. Им надо устанавливать настоящие границы и таможни. Надо вводить собственные валюты, переходить на торговлю по мировым ценам и взимать пошлины за ввоз и вывоз товаров. Иначе ни о какой управляемости ни одного из государств не может быть и речи. Но и обособиться они сегодня тоже не могут.

Даже для России и Украины в настоящее время невысказано жить отдельно от всех остальных бывших советских республик так, как живут, скажем, отдельно от всех прочих европейских стран Германия и Франция. И дело тут не только в том, что установление настоящих границ и введение собственных валют стоит бешеных денег и великих трудов. Непроизводительные, разорительные для народов траты на полное обособление нищие государства СНГ могли бы выдержать. Не могут они выдержать самого обособления.

Экономика СССР десятки лет была единым хозяйственным организмом, существовавшим благодаря взаимосвязи огромного множества артерий, сосудов и капилляров и управлению из одного центра. Когда началась суверенизация и власть союзного правительства ослабла, то наступила легкая закупорка хозяйственного кровообращения. Предприятия, выйдя из подчинения московских министерств, прекратили выполнять невыгодные им договоры о поставках, которые они прежде выполняли под административным нажимом. Производство залихорадило. В стране расцвел бартер: ты мне — товар, я — тебе; если у тебя для меня ничего нет, то и у меня для тебя — тоже нет. Объем продукции в промышленности стал падать. А после того, как все предприятия перешли под юрисдикцию республик и попали в зависимость от разных хозяев, проводящих разную кредитную и налоговую политику, хозяйственные связи начали удушаться финансовой веревкой. Произошел скачок роста взаимных неплатежей. Только в России он составил к началу 1992 года 800 миллиардов рублей. Предприятие одной республики не может расплатиться с предприятием другой, потому что ему не платят его потребители из третьей, четвертой и десятой республик, от которых при множестве хозяев в едином экономическом пространстве добиться денег невозможно. Дефицит поставок промышленности СНГ стал явлением заурядным.

За первые два месяца нынешнего года объем недопоставленной потребителям промышленной продукции в одной лишь России превысил 13 миллиардов рублей. Срываются заключенные договоры, хотя ими охвачено всего около 60 процентов продукции. Из-за нехватки сырья, материалов, комплектующих, электроэнергии происходит длительная остановка производства на тысячах предприятий. Трясет черную металлургию — выплавка чугуна, стали, проката снизилась по сравнению с началом прошлого года на 25 процентов. Останавливаются главные конвейеры заводов-гигантов. Резко сократилось производство основных видов изделий, идущих на комплектацию транспортного парка: пассажирских вагонов — на 37 процентов, троллейбусов — более чем вдвое. Масштабы строительства в России упали до уровня, который был в ней несколько десятков лет назад.

Первопричина общего спада производства — разрыв хозяйственных связей между республиками и чехарда в

их суверенной финансовой политике. Единый экономический организм сражен тяжким недугом. Но пока он еще жив. Если же государства СНГ разделятся колючей проволокой, установят настоящие таможи и введут собственные валюты, то все хозяйственные артерии, сосуды и капилляры будут перерублены. Предприятия, у которых до сего дня сотни поставщиков находятся в разных республиках, начнут закрываться, все сложнотехническое производство погибнет, миллионы людей останутся без работы и без средств к существованию. Крах экономики — не единственный удар, который получат республики до полного обособления.

...Абревиатуру «СНГ» иногда расшифровывают как Спаси Нас, Господи. Кроме Господа нам, жителям непонятно какого Содружества независимых государств, надеяться не на кого. Но Всевышний, увы, помогает только праведникам. Мы же, позволив разрушить единое свое государство, причислить себя к праведникам не можем. И за неразумность свою нам всем придется платить сполна.

Мы зашли в тупик, выхода из которого не видно. Для нормальной жизни нам необходимо, чтобы рабочая сила, сырье, готовые товары и единая валюта свободно циркулировали от Калининграда до Владивостока, от Баку до Мурманска, чтобы все народное хозяйство имело общий координационно-управленческий центр и чтобы люди разных наций нигде не чувствовали себя людьми второго сорта. Но ни того, ни другого, ни третьего пока не просматривается. Пока же наш общий бывший корабль под названием «Советский Союз» идет ко дну. И мы, его пассажиры, разбитые на суверенные группы, бросимся, вероятно, спасаться поодиночке.

В ближайший год, по всей видимости, следует ожидать появления настоящих границ между странами СНГ и введение ими собственных валют. Это резко подстегнет распад хозяйственных связей и усилит экономический кризис. Уровень жизни населения упадет до крайней черты и на фоне полного обнищания во всех республиках значительно обострится борьба за власть. Не исключено, что в большинстве из них она может перерасти в гражданскую войну.

Распад СНГ неминуемо повлечет и дальнейшее дробление самих суверенных ныне государств. В России вслед за Татарстаном и Чечней, вероятно, потянутся к не-

зависимости Башкортостан и Дагестан, Якутия и Тува, Бурятия и Мордовия. На Украине по примеру Крыма автономии могут объявить Донецкая, Одесская, Харьковская и Николаевская области. От Эстонии вполне возможно пожелают отсоединиться русскоязычные ее районы, а от Литвы — районы, населенные поляками и белорусами.

Право народов на объединение столь же священо, как и право на отделение. Жажущим липовой независимости и не боящимся свалиться в пропасть надо дать такую возможность. Но нельзя им позволять тащить с собой других.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

ОТВЕТЫ

Задача 1

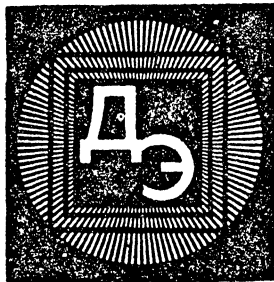
При увольнении по сокращению штатов выплачивается выходное пособие в размере среднего месячного заработка. Его получение никакими другими условиями (кроме причины увольнения) не обусловлено. Работник получает его полностью, независимо от времени трудоустройства. Иначе обстоит дело с выплатой среднего заработка за второй и третий месяцы после увольнения. Она сохраняется только за теми, кто еще не поступил на новую работу. Причем за третий месяц — по решению органа по трудоустройству при условии, если работник в двухнедельный срок после увольнения обратился в этот орган и не был им тру-

доустроен (статья 40³ Кодекса законов о труде Российской Федерации).

Задача 2

В связи с изменениями в организации производства и труда администрация может в одностороннем порядке (без согласия работника, но обязательно поставив его в известность не позднее чем за два месяца) изменить существенные условия труда при продолжении работы по той же специальности, квалификации или должности. К таким «существенным условиям» относятся: изменение систем и размеров оплаты труда, льгот, режима работы, разрядов и наименования должностей, установление или отмена неполного рабочего времени, совмещение профессий (статья 25 КЗоТ РФ).

При отказе от продолжения работы с новыми условиями трудовой договор прекращается по пункту 6 статьи 29 КЗоТ РФ.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС — установленный нормами гражданского процессуального права порядок разбирательства и разрешения судом гражданских дел, а также порядок исполнения постановлений судов и некоторых других органов.

Перечитала я это определение и расстроилась. Ну вот опять, в который уже раз за эти два года, мы с вами, уважаемые читатели, оказались, что называется, «жертвами» алфавитного изложения. Как бы все было легко и просто, рассказы мы сначала про «гражданское процессуальное право», затем про «гражданские дела» и уж только потом про «гражданский процесс». И уж совсем было решила так и сделать. Даже лист чистый взяла. Даже вывела на нем с красной строки «Гражданское процессуальное право». И вдруг так стыдно мне стало: что же это я легкий путь ищущу? Да разве же этому учили меня в школе, а потом в институте? И чем наша энциклопедия,

хоть и домашняя, хуже других, где все термины и понятия расположены в строгом алфавитном порядке. Кстати, о порядке. Заметили, что гражданский процесс — это тоже порядок, но порядок разбирательства, рассмотрения, разрешения дел в суде. А вообще-то латинское слово *processus* — это продвижение. В толковом же словаре русского языка мы найдем такое определение: «Процесс — ход развития какого-либо явления, последовательная смена состояний в развитии чего-либо». Знаете, все эти определения вполне применимы к термину «гражданский процесс». И в этом вы скоро сами убедитесь.

Думается, нашим читателям уже приходилось сталкиваться с этим понятием. Мелькало оно и не раз на страницах нашего журнала, попадалось и в других периодических изданиях. Хотя на страницах газет слово «процесс», в смысле «судебное разбирательство», чаще употребляется с определениями «громкий», «нашумевший», и в основном в таких случаях речь, как правило, идет об уголовном процессе. То есть о таком судебном разбирательстве, где обязательно есть подсудимый и потерпевший, где в течение долгих часов, дней, а может быть, даже месяцев выясняется, виновен ли человек, сидящий на ска-

мье подсудимых, в совершении данного преступления, а затем решается вопрос, какое же наказание должен понести виновный за причиненное зло. Но об уголовном процессе более подробный и конкретный рассказ еще впереди. О нем мы упомянули только для того, чтобы еще раз обратить ваше внимание на то, что, скажем так, преступление и наказание — это не единственное, чем приходится заниматься суду.

Приходят сюда люди и с другими «бедами». Давайте пройдемся по коридорам одного из районных народных судов г. Москвы. Вот перед этим кабинетом судьи сидят родственники — брат и две сестры. Вроде бы родные люди, а ведь даже смотреть друг на друга спокойно не могут. А все из-за наследства, оставшегося после смерти родителей: машины и дачи. Не смогли они сами решить, что кому отдать. Переругались не один раз. Пришли в суд. Надеются, что может быть, здесь, наконец-то, сумеют решить свою проблему.

А вот в этом зале слушается дело о защите чести и достоинства. Одно популярное издание рассказало на своих страницах о некоем гражданине N, да так, что после публикации герою заметки хоть не выходи на улицу: все соседи смеются, пока-

зывают на него пальцем. Гражданин считает, что опорочила его газета. Требуется опровержения. Авторы же заметки убеждены в обратном. Вот все вместе и разбираются: кто прав, кто виноват.

Перед другим кабинетом очередь на прием к судье. У одного гражданина знакомый два года назад занял довольно крупную сумму. И теперь отказывается вернуть. Вторые в очереди — семейная пара — пришли искать управу на ЖСК, в доме которого живут и членами которого являются. После них в кабинет судьи зайдет тихая, невзрачная женщина. У нее своя беда — сильно пьет муж, зарплату домой не приносит, вещи из дома таскает. Слышала она, что может суд решить так, чтобы зарплату мужа ей отдавали. Затем и пришла.

Идем дальше. Зал заседания № 2. Здесь слушается дело о расторжении брака. А в зале напротив судья уже зачитывает решение — именем Российской Федерации кто-то восстановлен на работе, и в его пользу взыскана заработная плата за вынужденный прогул.

Это лишь небольшая часть того, чем приходится заниматься суду. Наследство, квартирные споры, разводы, восстановление на работе — какие разные вопросы, но есть у них одно общее, что их объеди-

няет. Попадая в суд, становятся они гражданскими делами и рассматриваются в порядке гражданского судопроизводства. Прежде чем перейти к дальнейшему рассказу о гражданском процессе, подытожим то, о чем мы уже рассказали. Итак, гражданский процесс — это установленный порядок разрешения судом гражданских дел — споров о праве гражданском* (о защите чести и достоинства, о праве собственности на жилой дом, жилищные споры, о возмещении причиненного вреда, о наследовании и т. д.), конфликтов, вытекающих из семейных (о расторжении брака, о взыскании алиментов, об установлении отцовства и т. д.), из трудовых (о восстановлении на работе и взыскании заработной платы за время вынужденного прогула, о признании необоснованным дисциплинарного взыскания, об изменении формулировки причины увольнения и т. д.) и других правоотношений, а также подведомственных судам дел, возникающих из административно-правовых отношений (дела по жалобам на неправомерные действия должностных лиц, ущемляющие права граждан, дела по жалобам на действия административ-

ных органов и т. д.), и дел так называемого особого производства** (об установлении фактов, имеющих юридическое значение**, о признании гражданина безвестно отсутствующим или объявлении его умершим** и др.).

Как вы могли убедиться, в гражданском процессе разрешаются дела, затрагивающие наиболее важные права и интересы граждан. Поэтому понятно, что делать это «а бы как» нельзя. Один неправильный шаг, и человек останется без квартиры, или без работы, или без какого-нибудь имущества. Поэтому-то и пришлось строго и исчерпывающе закрепить в законе, кто может участвовать в судебном разбирательстве по тому или иному гражданскому делу, какие действия при этом может совершать суд, а какие действия — участвующие в деле лица, в какой последовательности эти действия должны или могут совершаться и какие последствия они за собой влекут. Вот эта-та урегулированная законом деятельность суда, участвующих в деле лиц (истца, ответчика, так называемых третьих лиц), других участников процесса (например, свидетелей, экспертов), а также органов исполнения судебных постановлений (су-

* О том, что такое гражданское право, более подробно мы расскажем в следующий раз.

** О всех этих юридических понятиях разговор впереди.

дебных исполнителей) и есть гражданский процесс. В маленькой энциклопедической заметке, конечно же, невозможно перечислить и рассказать обо всех процессуальных действиях, из которых складывается гражданский процесс. Мы и не ставим себе такой цели. Заметим только, что тот, кто будет постоянно читать нашу энциклопедию, в конечном счете получит об этом достаточно информацию. Например, в заметке про истца, естественно, будет рассказано, что и как должен и может делать истец, отстаивая свои законные права и интересы. Рассказывая же об ответчике, мы перечислим все дозволенные ему законом действия. А это и есть слагаемые процесса.

Здесь же мы только добавим, что гражданский процесс не есть нечто застывшее и неподвижное. Гражданский процесс — это поступательное движение. Он складывается из отдельных этапов (стадий), на каждом из которых совершается определенная часть процессуальных действий, направленных на достижение определенной цели.

Итак, какие же это стадии? Прежде всего

это производство в суде первой инстанции — возбуждение гражданского дела, подготовка дела к судебному разбирательству, само судебное разбирательство, вынесение решения и т. д. Далее идет производство в суде второй (кассационной) инстанции — обжалование и пересмотр решений и определений, не вступивших в законную силу. Следующая стадия — производство по пересмотру решений и определений в порядке надзора. И, наконец, еще две стадии — производство по пересмотру решений по вновь открывшимся обстоятельствам и исполнительное производство. О них мы расскажем, когда подойдет их очередь, то бишь соответствующая буква алфавита.

Вот на сегодня и все о гражданском процессе. И лишь маленькое замечание напоследок. Если возникла такая необходимость, не стесняйтесь обращаться в суд. Ведь при рассмотрении гражданского дела никто никого не судит. В этом случае суд решает возникший между людьми спор. А это, как говорил милый сказочный Карлсон, дело житейское!

МОЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

**Игорь ВАШКЕВИЧ,
полковник юстиции**

**ЛОПНУВШЕЕ
ОБВИНЕНИЕ?**

ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ И ТИХОЙ КОНЧИНЫ ЗАКОНА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИЗМЕНУ РОДИНЕ

Тогда, мне кажется, это чувство испытали все — чувство недоумения, несогласия, протеста. Не только оказавшиеся в «Матросской тишине» путчисты, но и те, кто желал скорого суда над ними, не могли принять предъявленного им сразу после провага путча обвинения. Действительно, причем тут измена Родине? Да, хотели притормозить реформы, имели свой взгляд на них, но не в угоду мифическим «врагам Отечества», а из своего понимания пользы ему, его процветания. Какой, право, изменник из маршала Язова, всю жизнь отдавшего защите родных рубежей, в том числе и на фронтах Великой Отечественной?

Но как же появилась в нашем законодательстве эта зловещая формулировка — «измена Родине»? Кто взял на себя смелость оценивать наш патриотизм мерой уголовной ответственности?

Ошибется тот, кто стал бы отыскивать истоки этого явления в глубинах отечественной или мировой

цивилизации. Изменники и предатели встречались, разумеется, во все времена, однако их действия никогда не рассматривались как антипатриотичные. Ибо изменить можно только каким-то властным структурам, а наше отношение к Отечеству — это из области чувств, нравственности, идеологии. Власти не считали возможным сюда вмешиваться. Вот и именовали исстари тех, кто предавал соплеменников, шпионил, клятвоотступниками, перебежчиками, шпионами, не вдаваясь при этом в идеологическую, тем более в моральную сферу. Разве что церковники не стеснялись предавать анафеме еретиков. Так что формула уголовного законодательства об ответственности за измену Родине — наше собственное изобретение, причем не из самых давних.

Само слово «измена» появилось в советском законе лишь через двенадцать лет после революции. Его не было даже в Положении о государственных (контрреволюци-

онных) преступлениях 1927 года. Там по традиции фигурировали лишь общепринятые термины: восстание, шпионаж или, скажем, «сношение в контрреволюционных целях с иностранным государством». Власть еще не решалась олицетворять себя с Отчизной, а потому и не претендовала на обязательную к себе любовь граждан.

Но вот завершился короткий период нэпа, началась коллективизация и все больше появлялось людей, неудовлетворенных существующим в стране режимом. Случалось, причем не так уж редко, что граждане Страны Советов не возвращались домой из заграникомандировок. И 21 ноября 1929 года Президиум ЦИК СССР определил такое поведение как преступное: «Отказ гражданина Союза ССР — должностного лица гос. учреждения или предприятия Союза ССР, действующего за границей, на предложение органов гос. власти вернуться в пределы Союза ССР рассматривать как перебежку в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и квалифицировать как измену».

Так и появилось это слово-клеймо. Правда,

пока лишь в отношении должностных лиц и в качестве измены только классовым интересам. И все-таки начало вмешательству суда в сокровенную сферу отношений граждан — страна было положено. Да и с какими последствиями! «Отказники», согласно постановлению ЦИК, объявлялись «вне закона», что означало: а) конфискацию всего имущества осужденного; б) расстрел осужденного через 24 часа после установления его личности».

Окончательно же присвоение властью права определять уровень патриотичности граждан произошло 8 июня 1934 года. Тогда в упомянутое уже Положение 1927 года и была внесена формула, мало чем отличающаяся от действовавшей в августе 1991. А записано следующее:

«1¹. Измена родине, то есть действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу — карает-

ся высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах — лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией всего имущества».

Отныне понятия родной страны и государственной власти на ней оказывались объединенными в одно целое. Мир человеческих чувств, собственных представлений людей о пользе Отечеству не принимался во внимание. Отечеству, считалось, было угодно то, что задумывали для него власти. И если кто изменял властям, он изменял и Родине.

Для того чтобы такой дикий взгляд стал нормой, только что процитированную статью уголовного закона внесли (в несколько иной редакции) и в Конституцию СССР 1936 года. Ее 133 статья гласила: «Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР. Измена Родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж — караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние». Да, перечень «составов преступлений»

здесь сужен, ограничен нанесением ущерба государству лишь в военной сфере — области, наиболее связанной с патриотическими чувствами людей, а потому наиболее открытой для идеологических подтасовок. Однако сам факт появления в Основном Законе статьи, ставящей под сомнение патриотизм народа, прививающей любовь к Родине с помощью «всей строгости закона», представляется глубоко оскорбительным именно по отношению к народу.

Впрочем, и в отношении военнослужащих власть использовала позорное клеймо изменника отнюдь не всегда справедливо. Вспомним пресловутый приказ Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 года. Изменившими присяге, Родине в нем объявлялись все, кто оказался в плену у врага. Мне уже доводилось анализировать этот документ («Человек и закон» № 11—12 за 1991 год). Сейчас лишь отмечу, что даже воинского преступления, то есть измены своему долгу, не усматривается в судьбе этих тысяч солдат и офицеров. Причем не только в моральном, но и в юридиче-

ском толковании их действий. Ключ к такой оценке дает начало заключительного абзаца военной присяги, на которую как раз и ссылались авторы упомянутого приказа Ставки. В той присяге говорилось: «Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то...» По злому умыслу! То есть из желания навредить своим. Но ведь такого желания почти ни у кого не было. Были лишь чрезвычайные обстоятельства, в силу которых люди оказались в плену. И стало быть, даже генералу Власову мы не были вправе предъявить обвинение в измене. До той самой минуты, когда он согласился сотрудничать с врагом. Но это, повторю, речь об измене воинскому долгу. Что же касается измены Родине, то тут осудить генерала может лишь молва, но не закон. Ибо, как было сказано, государство и отчий край — это не одно и то же.

Могу, впрочем, представить, что такое различие и сегодня примет не каждый. Но это следствие нашего долгого «воспитания» в условиях тоталитарной системы. Не одно поколение выросло у нас на звонких, запоминаю-

щихся строчках: «Начинается земля, как известно, от Кремля...» Мы принимали эту «географию», понимая, что именно в Кремле живет и работает товарищ Сталин. Негаснувший свет в окнах его кабинета был общепризнанным символом всеобщего благополучия и успехов каждого, и потому не приходилось сомневаться, где на планете начало всех начал. Мальчишку на улице мы обязательно рисовали пионером, жизнь полагали борьбой, а Родину не иначе, как Советской. «За Родину! За Сталина!»

Между тем люди — это прежде всего люди, жизнь — это жизнь, и земля начинается для них, конечно, от порога отчего дома. Отсюда каждый творил свою судьбу. И только сойдясь одна к одной, эти малые тропки образуют широкую дорогу, ведущую, быть может, и к Кремлю. Если есть у людей желание идти в эту сторону.

Но такой подход — от человека — возможен лишь в условиях его полной свободы, независимости от властных структур, когда государство не позволяет себе вмешиваться в его личную жизнь. Юристы называют

эти условия гражданским обществом, лишь относительно связанным с обслуживающим его государством. Мы же привыкли быть составной частью, «винтиками» государственной машины. Оттого и трудно выйти из этого состояния.

Вспоминается признание Президента Казахстана Н. Назарбаева. Беседа с канцлером ФРГ Г. Коллем, он поинтересовался надоями молока на немецких фермах. Увы, канцлер не знал ответа. Он никогда не занимался производством молока, это не его дело, это работа фермеров. Свою оплошность казахстанский лидер справедливо отнес за счет привычки считать любое дело делом государства, а не тех людей, кто это дело делает. Но если даже производство продуктов или прибивание подметок оказалось у нас в сфере деятельности властей, то поведение людей тем более не могло остаться вне их пристрастия и опеки. Нам всем нужно быстрее освободиться от этой зависимости, утверждать самооценку личности, ее взглядов. Тогда и не покажется странным, что кто-то видит счастье Родины вовсе

не в том, к чему призывает власть.

Другое дело, что, и не будучи обязанными любить власть «по закону», мы должны ее уважать и уж во всяком случае не позволять по отношению к ней насилия. И такие действия (тот же заговор с целью свержения конституционного строя), разумеется, являются преступными. Только опять-таки без всякого идеологического окраса, без квалификации этих действий как изменческих относительно народа, родины.

Однако и этот в общем-то очевидный для нормального человека тезис был отвергнут в нашей стране. Причем это произошло уж совсем недавно, в 1958 году, после смерти «вождя народов». Тогда был принят новый закон об уголовной ответственности за государственные преступления. В нем-то знаменитая статья, характеризующая измену Родине, как раз и была дополнена соответствующей нормой: «а равно заговор с целью захвата власти». Долгий поиск всеобъемлющей формулы «непатриотичности» был завершен. Сокраментальное для всей конструкции слово было произнесено: «власть». Она и только

она, причем не сменяемая никакими законными способами, должна была впредь символизировать для советского человека понятие Отчизны. Ее, власть, надлежало любить, чтить, ей надлежало быть верным, как любим, чтим и по мере сил стараясь быть полезными Родине.

Абсурд? Конечно. И в этой алогичной действительности мы пребывали долгие годы, свыкаясь с ней и подчас даже усматривая в ней свою логику.

Первые сомнения появились, пожалуй, с открытием афганской трагедии. Невозможно было представить изменниками тех ребят, что угодили в плен к моджахедам. Полноте, да Родину ли они защищали в той жаркой стране?! Новую брешь в неправом законе пробило разрушение «железного

занавеса». «Бегство или перелет за границу», оказывается, ненаказуемо! А тут подоспели и августовские события прошлого года. И мы все увидели, что не так все просто в отношениях человека с отчим краем, поскольку даже тот, кто пытается совершить поворот в политике, по-своему предан Отечеству, желает ему дсбра. С этой нехитрой, но неумолимой логикой, на наш взгляд, нельзя не согласиться. Так пусть же исчезнут из нашего законодательства все высокопарные слова об измене Родине, пусть их заменят более спокойные и уместные для юридических бумаг формулы, чтобы никогда больше отношения человека к земле отцов не стали предметом судебного разбирательства. В этом один Бог ему судья.

ПОПРАВКА

В № 8 за 1992 год в статье «Вдогонку за инфляцией» на стр. 6 допущена ошибка. В настоящее время максимальный размер пенсий за выслугу лет для летно-подъемного состава гражданской авиации составляет три с половиной минимальных размеров пенсии. А максимальный размер пенсий, назначенных в связи с подземными работами, работами с вредными условиями труда и в горячих цехах,— два с половиной минимальных размера.

ОЧЕРК

Любовь ЕМЕЛЬЯНОВА

Это рассказ не о торжестве справедливости, не о доблести сыщиков и праведности суда и наказания.

Это вопрос.

Как появляются «дьяволицы»; как живут среди нас и куда им уходить!

...И так было угодно судьбе, что семь раз зарождалась в ней жизнь. И семь раз слышала она первый крик рожденного ею человека. И билось возле нее семь сердец. И продолжился род ее внуком...

Другой женщине подарила судьба всего одного сына, и вырос он под материнским крылом. Настало ему восемнадцать лет, и отдала его мать в солдаты, стала считать минутки до возвращения. В весеннем месяце апреле не выдержала разлуки, навестила мать сына и неделю любовалась им, нагляделась... в последний раз.

Еще одна мать родила дочку. Солнышком называла свою единственную, ненаглядным цветочком. В семнадцать лет пришла к дочке любовь и сделала лучший в мире подарок — сына. Улыбался уже малыш, гулил, пускал смешные пузыри — четыре месяца исполнилось человеку! Четыре исполнилось, да так и осталось. А маме его навсегда осталось семнадцать...

Боже, спаси и сохрани!

Поздно...

Ранним апрельским утром возле мусорного контейнера одного из общежитий Днепропетровска обнаружилась страшная находка. Труп женщины обгорел до неузнаваемости. Голова несчастной укутана обуглившейся тканью. Единственная улика — сохранившийся в полости рта убитой кляп. Не простой кляп — маленькие детские трусики. «Странно, — вздохнул прокурор, — такой необычный способ убийства». Эксперты установили, что женщину погубил не только кляп. Повреждения на теле свидетельствовали о том, что женщину долго и мучительно душили.

Кто убит?

Кто убийца?

Над ответом бились сыщики, следователи, прокуроры. Версии возникали и отпадали одна за другой. Время шло, но розыск результатов не давал. Преступление осталось нераскрытым.

А сын-солдат из Петербурга все звонил и звонил отцу в город Волгоград: «Не вернулась мама? Не вернулась?» Навестив сына, мать собиралась поехать к родственникам в Минск. Справились у родственников — не была. Не приехала.

Петербург, Волгоград, Минск, Днепропетровск. Как связать эти города? Нет у солдатской матери в городе на Днестре ни родных, ни знакомых. Отпадали и здесь версии розыска, рвались цепочки доказательств. Молитвенно прижатые к груди руки убитой напрасно молили о мщении.

Лето принесло Днепропетровску новую трагедию, и город содрогнулся от ужаса, узнав о случившемся.

В полдень 6 июня в одном из дворов раздался крик: «Пожар!» Горела квартира. Прибывшие пожарные увидели жуткую картину: на полу в спальне лежал труп молодой женщины. Голова обмотана простыней, на шее — туго затянутый пояс от платья, руки и плечи в кровоподтеках. Яростно сопротивлялась жертва убийцам, она защищала не только свою жизнь. Она боролась за жизнь своего ребенка, но победить не смогла. Здесь же, на обгоревшей постели, лежал его крошечный трупик.

Юная мать была зверски убита, квартира ограблена и подожжена в пяти местах, а четырехмесячный мальчик был оставлен убийцами в пылающей квартире на мученическую смерть.

Даже бывалых, много повидавших на своем веку оперативников потрясло это жестокое убийство. Забыли об отдыхе и сне сыщики города. Истина открылась уже на пятый день и была не менее ужасной, чем само преступление. Узнав, кто убийцы, город вновь содрогнулся — теперь уже от отвращения.

«Дьяволицы», — сказал кто-то. Иначе их уже не называли.

Их была целая семья, семья женщин-убийц.

Мать, Ирина Васильевна, к своим 37 годам родила 7 детей и успела стать бабушкой. Государство не сказала, чтобы забывало ее, одарило положенными наградами и льготами. Старший сын уже служил в Армии, младшие ходили в детсады и школы. Кое-кто, правда, еще не успел найти свое место. Ирина Васильевна работала стропальщицей. Плохо, говорят, работала. Прогулы были,

опоздания. Это нехорошо. Но вот представьте себе женщину-стропальщицу. В неуклюжей спецовке, в грубых брезентовых рукавицах. Женщину — хорошая она мать или не очень, но родившую семерых. Да, она практически находилась в перманентной беременности. Почти постоянно стропальщица Ирка — так ее звали мужики — была беременной и под насмешки работяг выпячивала живот и, надрываясь, тягала тяжелые тросы, цепляла их к каким-то блокам, балкам, пихала руками, пинала, сбивая ноги. Зимой ее пронизывал ветер, летом дожимала жара и жажда. Стropальщица как-то рожала, где-то оставляла детей — одного за другим, одного за другим. Нет, она не бросала их, все они были при ней. И снова — тяжелые тросы. Какой голос был у нее? Что за выражения употребляла она, когда крюк не попадал в грубую петлю, когда крановщик передергивал и стропы перекручивались, сплетались, разлетались смертоносными качелями?... «Майна, вира-а ... твою так и разэдак», — слышала и кричала стропальщица, и все ей было тогда до лампочки — распроклятушая эта жизнь, и насмешливые рожи, и полученные за тяжкий труд копейки. А еще ведь были дети — семеро! — и разные женские тяготы. Прогулы и опоздания при этакой службе не самым тяжким грехом были, наверное. Тяжким грехом была сама служба, при которой стропальщица Ирка чувствовала, что внутри где-то, над очередным ребенком, где должно биться ее собственное сердце и обитать душа, вырастала грубая мохнатая шерсть. Такая, наверное, появляется у дьяволиц в самом их начале. Когда женщина еще вроде бы женщина, а внутри уже вырастает, точит когти, готовится к выходу в свет страшная дьяволица. Жестокая, беспощадная, равнодушная к жизни и смерти, потому что жизнь и смерть жили рядом и питались одной лишь бесконечной усталостью бременного тела. Усталость была постоянной и всепоглощающей, делала безразличной к событиям, и они, эти события, летели-пролетали мимо нее, а иногда даже и касались, но та же проклятая усталость не давала силы правильно оценить их.

Так уже было. Помните: пусть будет, как будет. Ведь никогда не было, чтобы никак не было. Великий Швейк частенько пользовался этим законом, когда был бессилен что-то изменить.

Пусть будет, как будет. И вот уже прелестные юные дочки Светлана и Евгения, закончив интернатское обу-

ченше, не находят себе места в жизни, не работают, а учиться — ну на какие шиши?

Из приговора:

«Мурзина Светлана *, 1971 года рождения, родилась в многодетной семье и без отца. Должного воспитания от матери не получила, с несовершеннолетнего возраста у нее сформировались эгоистические черты характера, стремление к материальному благополучию, обогащению за чужой счет, а не за счет собственного труда, зависть к материальному достатку других лиц, пренебрежение к нормам морали и даже человеческой жизни. По окончании 8 классов от трудоустройства уклонялась, систематически уходила из семьи, в связи с чем была поставлена на учет в инспекции по делам несовершеннолетних. Впоследствии вовлекла в преступную деятельность свою несовершеннолетнюю сестру Евгению, 1973 года рождения».

«Мурзина Евгения, 1973 года рождения, родилась и выросла в многодетной семье, должного воспитания от матери не получила...».

Далее смотрите выше. Коротенький жизненный путь Евгении полностью повторяет Светланин.

Те же слова со временем можно будет писать о младших. Помните, их было семеро. И внуки пошли. Другие характеристики были бы уникальным исключением из правила. А как же иначе?

Смотрите. Злостно уклоняющаяся от трудоустройства Светлана в 17 лет была беременной, и хотела бы я видеть тех кадровиков, которые приняли бы на работу беременную девчонку из многодетной безотцовской семьи. Где они, те альтруисты? Они утверждали, что человек человеку — друг, товарищ и брат. А у кого из них не сформировалось стремление к материальному благополучию, зависть к материальному достатку других лиц, попрание норм морали? Были, есть такие? Или только многочисленная детская рать стропальщицы Ирины стала обладателем этих «мерзостных» качеств? Стремление к материальному благополучию — фи, гадость какая!

Лицемерие. Оно отравило нашу жизнь, сделало кого

* Фамилии в очерке изменены.

жертвами, а кого просто несчастными людьми, даже не знающими, насколько они несчастны. На всю жизнь запомнилось мне одно торжество, состоявшееся в красивом театре. Интернационал поднял с мягких стульев президиум. С ужасом и омерзением, словно внезапно прозрев, я смотрела в лицо лицемерия. Беззвучно открывались рты над холеными подбородками, над модными галстуками, змеящимися по брюхам, как волосы Медузы Гаргоны. Я видела, как без всякого стеснения, заведя глаза к потолку, жирная дама в черных соболях старательно артикулировала губами вслед мощному радиогимну: «Мы наш, мы новый мир построим...» Дама твердо взмахивала головой, и бриллианты в ее ушах искрились нестерпимо счастливым светом, просто кричали, что свой новый мир они построили. Свой новый мир. Новый и свой.

А девчонка Светлана из многодетной семьи, родившаяся, как установлено приговором, без отца, гуляла! Эх, да крушить ей все подряд, бить, терзать хотелось. Она беременная была — Господи, беременная! Стыдно, страшно. Никакой любви к новой жизни, зреющей в ней, она, конечно же, не испытывала. Только ненависть — зачем он завелся там, усложняя и без того противную, безрадостную жизнь? Она уходила из дома, а где была нужна? Возвращалась — какой-никакой, а это был ее дом. Такой дом, каким его сделала судьба и многодетная стропальщица. Другого не было.

Дьявольские шерстинки уже осаждали юную душу, прилеплялись к ней и плотно прирастали. Их приклеивал голод, безнадега и, как сказано в приговоре, стремление к материальному благополучию. Ну и, конечно, зависть к материальному достатку других лиц. Маленькая дьяволица начинала выпускать когти. И рядом, ноздря в ноздю, бежала по жизни еще одна сестра, не ведающая, что носит тоже дьявольское начало.

К чему я выискиваю шерстинки в душах будущих убийц? Зачем выворачиваю наизнанку их мир, от которого брезгливо сторонились все? Разве важно это после того, что они сделали? Но ведь никто не ответил на вопрос: как появились, как жили они среди нас, дьяволицы?

А вот так и появились, так вот и жили они среди нас, уважаемые законопослушные граждане.

Хотя то, что сделали они потом, перечеркнуло все. Все стало неважным, вся их жизнь, вся их суета, назы-

ваемая жизнью до того, как они не сотворили самое ужасное.

Из приговора:

«Мурзиной Ирине Васильевне по совокупности наказаний определить наказание в виде исключительной меры — смертную казнь — РАССТРЕЛ.

Мурзиной Светлане Михайловне по совокупности наказаний определить наказание в виде исключительной меры — смертную казнь — РАССТРЕЛ.

Несовершеннолетней Мурзиной Евгении Михайловне определить максимальное наказание — десять лет лишения свободы».

Будь Евгения постарше, пулю по приговору получила бы и она. Но не применяется расстрел к шестнадцатилетним.

Итак, мать и дочь получили расстрел.

Значит, вот куда они должны уходить от нас? Их тоже нужно убить? «Дьяволиц» уничтожают? Они уходят в смерть?

Вы с этим согласны? Нет? А как же тогда хрипы задушенной жертвы, крики убитой? Как же непонимающий, жалобный плач заживо горящего младенца?

Только вопросы. Ответов нет.

Вернемся же к дьяволицам и жертвам. Попытаемся выяснить, что значит своя и чужая жизнь. Не отрываясь от реалий, как есть.

Итак, жизнь чужая и своя. Они переплетаются причудливо и непонятно, следуя то рядом, то круто схлестываясь и сминая того, кто слабее.

Что более ценно? Своя жизнь или чужая? Или эти ценности равнозначны? Для кого равнозначны? Есть убийцы, но есть и самоубийцы. Мурзины — кто? Убийцы и самоубийцы одновременно?

Недостаточно нам характеристик и рассуждений. Проследим хоть немного пути, по которым следовали к трагическому финалу убийцы и жертвы.

Единственную мамину дочку Галю Бурову, особой материальной нужды не знающую, судьба почему-то поселила по соседству с бабушкой семьи Мурзиных.

В июне 1988 года, ровно за год до убийства, семнадцатилетняя Светлана и пятнадцатилетняя Евгения Мурзины подобрали ключ к Галиной квартире и обокрали

соседку. Взяли платья, кофточки, дезодорант, лак для волос. Все это принесли на работу к маме. Как точно узнать реакцию мамы? Все трое говорят: ругала. Но ругала или нет, а спрятала эти вещи на работе, месяц держала там, боясь, что дочерей заподозрят в краже, потом принесла домой. Стали вещи носить, кому что досталось. Вещей мало, народу много, обновки на них никто и не заметил. Сошло на первый раз.

Из приговора:

«Стремление Светланы и Евгении обогатиться за чужой счет, а не собственным трудом привело их к совершению корыстных преступлений, о чем стало известно матери. Последняя не только не стала пресекать преступную деятельность детей, не сообщила об этом в правоохранительные органы, а фактически поощряла их преступные наклонности, и в результате они стали совершать после этого более тяжкие преступления».

Оставим на совести авторов это обвинение. Все не так просто. Галя о краже в милицию не сообщила. Завязался узелок на линии ее судьбы, и такие же узелки появились на многих других. Правильные слова приговора, какое смысловое значение имеют они? Но вот опять вопрос: а могло быть иначе? «Каин, где брат твой Авель?» Мы уже проходили, что дети доносят на матерей, а матери должны доносить на детей. Однако же Мурзины не были привлекательными учениками. Для Ирины Мурзиной тряпки и дочери не были равнозначны. Семь детей было у стропальщицы, семь пальцев на руках, укусы за любой — больно. Знала она, знала, чем грозит ее дочерям тот донос. И хорошо, по собственному опыту, она знала, что никогда девочки ее собственным трудом не заработают ничего доброго, совсем ничего — будем уже до конца откровенными. Не о них ли, о Мурзиных, говорили и говорят в народе: как от мамки, так до ямки. И еще: трудом праведным не наживешь палат каменных. Все это было известно мамаше, и еще она твердо знала, что детям своим не опора. Вот и не донесла, махнула рукой — дьявол с вами, носите, наряжайтесь.

Дьявол с вами.

В том августе Светлана, мы знаем, была беременна. Ах, как она ненавидела весь мир, как хотела, чтобы он — весь! — провалился бы в тартарары. В акте любви —

да и любовью ли был тот акт — она с детства не видела тайны. И рождение жизни не было таинством и чудом. Подумаешь, важность какая! Мамуля рожала раз за разом, но то была мать, не она. А теперь ей предстоит вся эта процедура и тяготы. Ничего доброго не сулила ей беременность, совсем никакого лучика не оставляла. Она не давала себе отчета, а дьяволица внутри нее радостно потирала крепнувшие лапки: ужо повеселимся, ужо повеселимся, ужо отыграемся.

Боже, спаси и сохрани!

Спаси и сохрани того младенца, что с самого зачатия тихонько сидел рядом с дьяволицей. Сохрани от дьявольских песен и сказок; от привычек ее и склонностей. Его сохрани, младенца, и всех тех, кто встанет на его жизненном пути, чья судьба сойдется с ним вольно или невольно. Он жив, этот мальчик. Боже, спаси и сохрани его, не дай стать ему дьяволом. Он ведь многое видел, еще не умея смотреть, и многое узнал, не умея сознавать. Жизнь и судьбу его матери и бабушки мы можем раскручивать почти от финала. Мальчик же на старте. Как пройдет он дистанцию? Спаси и сохрани...

Беременная Светлана завивала горе веревочкой и заливала, конечно, водочкой. Чтобы залить горюшко, нужны были деньги. Их не было. Вечером 29 августа Светлана с двумя подружками совершила сразу три ограбления. С первого грабежа досталось ей 5 рублей. Со второй женщины они сняли золотые серьги, кольцо и цепочку, а в третий раз остановили двух малолеток, и улов был погуще, забрали даже кольцо с бриллиантом — это у малолетки-то! В тот вечер на потерпевших девчушках повешено было немало золота. Крутые девочки попались и поплатились за свою беспечную нарядность. Состоялась экспроприация. У них забрали не только золото, но и губную помаду.

Светлана потерпевших не била. Другая подельница хватала за горло, била головой о стену, пинала в живот. Мурзина еще не решалась на насилие, но дьяволица внутри нее внимательно смотрела: ага, за горло... ага, по голове... ага, ага...

В уголовном деле подробно освещались эпизоды преступлений. Жизнь между ними выпадала. Между тем жизнь была. Родился сын у Светланы. Назвали редко и весело — Руслан. Восьмое дитя в семье Мурзиных. Ненужное, но и не лишнее. Не бросили, не оставили

мальчика. Стропальщица Ирина забрала из больницы дочку и внука. Новую судьбу начала лепить жизнь.

Старший Мурзин стал солдатом и служил в Петербурге.

Помните, прогулы и опоздания на работу у матери?

В какие рамки вообще можно уложить жизнь этой женщины?

Как совмещалось в ней все, как уживалось рядом совсем несовместимое? Не каждая, наверное, солдатская мать и при больших доходах, при меньших заботах навещала сына в армии. А вот Мурзина — да. Как там служит ее сынок? Глянуть на него захотелось, поговорить.

Раздумываю: чего было больше в этом поступке? Работа, дети, долги, заботы. И сын-солдат в чужом городе. Так чего было больше? Легкомыслия — это первая мысль. Бросить все, чтобы повидаться с сыном, которому и служить-то всего два года! Конечно, это легкомыслие. Она должна была... Стоп! Долг, долг — так мы воспитывались всегда. Вы, я, он, она, мы — все должны. Перед Родиной — долг, перед партией — долг, перед заводом — долг. Кругом долги и вечный должник — человек, и весь свой век бесконечно отдает эти долги. Ну, а если забылся, запутался в долгах — клеймим позором. Ей-то, Мурзиной, не должен никто. Только она. Вот и заклеим позором мать Мурзину за то, что забыла о других долгах, забрала малолеток Оксану да Юлию и уехала на неделю к сыну.

Ах, какое легкомыслие!

Господи, да что же мы с собою сделали?!

Долги долгами, а как же материнская любовь, тоска о сыне? Что, можно многодетную Мурзину лишить права на любовь к сыну? Бывало, лишали матерей их прав материнских. Мурзину — нет. А уж любовь — та и вообще неподсудна.

Другое дело, что не было у нее для этой поездки ни средств, ни времени. Но ведь и ждать помощи было неоткуда. Все равно они не появятся — ни средства, ни время. Она подчинилась простому желанию и уехала к сыну, предпочтя всем прочим долгам этот. Пусть бросит в нее первый камень мать, у которой служит сын. Не бросит она, я вас уверяю.

Наверное, посещала Мурзину и тревога, но она отмахивалась от нее привычным: пусть будет, как будет. Хуже не будет. Некуда.

Это все еще предыстория. Нечто вроде попытки не упустить момент зарождения дьяволиц.

Самое страшное началось с той петербургской поездки. Почему-то именно с нее.

В комнате офицерского общежития вместе с Мурзиными жила еще одна солдатская мать, приехавшая к сыну, — Ветлова. Мурзина со своими двумя малолетками очень скоро осталась без копейки и решила проблему привычно легко, украв у Ветловой 130 рублей. Та, конечно, хватилась денег, обвинила Мурзину, которая не стала запираяться, вернула нерастраченные еще 50 рублей, остальные пообещала отдать после возвращения домой. Адрес Ветловой взяла и свой оставила. Слезно просила об одном: не говори о краже командиру сына, не позорь парня, он ведь не виноват. Порешили, на этом и расстались. И как же неосторожно порой распоряжаемся мы своей жизнью, какие необдуманные совершаем поступки! Что толкает нас на это? Почему вдруг, никого не поставив в известность, даже мужа и сына, Ветлова изменила все свои планы и помчалась навстречу смерти в чужой город, где единственным знакомым человеком была ей Мурзина, моральные качества которой были Ветловой хоть в малой степени, но известны. Отчего она поступила так? Расходы на проезд были, наверное, чуть меньше, чем сумма похищенного. И все же она поехала. Мурзина увидела Ветлову возле дома в день своего приезда — 21 апреля. Это был последний день жизни Ветловой.

Мурзина утверждает, как сказано в приговоре, что Ветлова потребовала с нее 4 тысячи рублей, угрожая в противном случае сообщить о краже в милицию и на службу сына. Опровергнуть или подтвердить эти слова нечем. Ветлова, единственный человек, который мог возразить против этого, мертва. Но почему все же она поехала в незнакомый город, тайно от родных, переменив все планы?

В той ситуации, собственно, Мурзиной было не очень важно, сколько требуют с нее. Не было у нее никаких денег. Ни 4 тысяч, ни 80 рублей. Ветлова же сказала, что придет за деньгами в 16 часов. Срок своей жизни определила сама.

Светлана с сыном находилась в больнице. Мать пришла к дочери рассказать о новой напасти. Там же, у сестры, оказалась Евгения, зашедшая ее проведать.

Все время, пока изучала я, обдумывала, обсуждала

эти страшные события с врачами, психологами и даже астрологами, не оставлял меня и мучил еще один немаловажный вопрос: почему? Почему семеро детей беспутной стропальщицы, все семеро так любили ее, слушались, несли к ней свои малые радости и большие печали? Они пошли за ней даже на убийство. И не отреклись от нее, когда вовсю полосовала убийцу пресса, когда все от нее отвернулись? Какими качествами обладала Ирина Мурзина, если дочери-убийцы пытались выгородить ее, взять часть ее вины на себя? В чем феномен этой преданности, этой любви? Значит, чего-то мы все же не знаем о ней. И никто не знал, только ее семеро детей. Чего мы не знаем — еще один вопрос, на который не находится ответа.

Из показаний Мурзиной-матери:

«Светлана предложила «убрать» Ветлову, убив ее топором, но она, Ирина, на такой способ убийства не согласилась, так как опасалась, что с первого удара можно и не убить Ветлову и та может закричать. Дочь Евгения вначале удивилась такому предложению, но затем согласилась. Светлана в тот же день выписалась из больницы только с той целью, чтобы убить Ветлову. Все втроем пришли домой. По пути снова обсуждали способ убийства. Светлана предлагала убить топором, но мать предложила иной способ: накинуть на голову Ветловой простыню и задушить...».

Поразительно. Мать и две дочери, одна из них с больным ребенком на руках, деловито обсуждают способ убийства. Дочери не боятся ничего. Мать, видимо, боится крови и криков. Способ второго убийства будет аналогичен первому. Психологи объясняют это явление так: убийцы создают для себя минимум человекоподобия жертвы. Закрывают лицо, голову, чтобы не видеть смерти, не смотреть жертве в полные страдания глаза. Создают для себя, если можно так сказать, комфортность страшного действия. Потому что им не нужны страдания жертвы, не их они жаждут. Они не испытывают ненависти и не имеют жалости к жертве. Дьяволицы проснулись в их душах, чтобы уничтожить фактор, который им угрожает. Роль фактора исполняла Ветлова. Так говорят психологи.

Около трех часов провела Ветлова среди своих убийц, ничего не подозревая.

Из показаний Мурзиной-матери:

...«Она, мать, настаивала, чтобы накинуть простыню и задушить. Светлана согласилась и попросила помочь ей в этом деле Евгению. Та дала согласие. Около 19 часов она отвлекла внимание Ветловой, а дочь Света зашла сзади, накинула ей на голову простыню. Потом они втроем свалили ее. Мать вытащила документы, дочери сняли кольца и передали матери. Света, придушивая женщину, выяснила номер камеры, где она оставила вещи. Ветлову раздели, сводили в туалет, связали, мать затолкала в рот кляп из первого, что попало под руку, — попались детские трусики. Душить, активно лишать жертву жизни они еще не решались. Набросали на несчастную одеяла, закутали голову, накрыли ковром и ушли в камеру хранения, надеясь, что женщина умрет в их отсутствие от удушья.

Из показаний Мурзиной Евгении:

«Когда Светлана после возвращения увидела, что женщина подает признаки жизни, она решила покончить с ней. Она встала на шею Ветловой, а ей, Евгении, сказала, чтобы она положила руку на рот и нос и проверяла дыхание. Мать находилась здесь же, взяла женщину за руку и сказала: «Все, задушили». Только после этого Света сошла с шеи».

Были и еще разные страшные подробности убийства. Дьяволицы праздновали победу! Первую большую победу.

Рубикон был перейден.

Чужой жизнью женщины расплатились за собственное зыбкое благополучие. Цена чужой жизни в их глазах окончательно упала.

Американский психолог Анна Анастаси утверждает, и к ней присоединяются все психологические школы, что среди основных личностных черт у женщин в большей степени выражена социальная ориентация. Мурзины — не исключение из правил. Их социальное положение известно. Оно заставляло их быть в постоянном поиске не только хлеба насущного, но и элементарного самоутверждения, сохранения своей значимости — любой ценой. И вся беда в том, что социальная ориентация была антисоциальной, активные действия приводили к асоциальному результату. Психотравмирующая ситуация устранена путем уничтожения объекта раз-

дражения. То, что объектом раздражения была чужая жизнь, уже не имело значения. Мурзины стали очень опасными. Они стали «дьяволицами». Окончательно и бесповоротно. Очень скоро они доказали это.

Сверхзадачей первого убийства было устранение опасности разоблачения. Вещи были на втором плане. Но убийство прошло легко и безнаказанно. И сколько проблем решено! Чужая жизнь ценности для них не представляет, так почему бы не решить таким же способом еще парочку проблем?

Вот почему страшно каждое нераскрытое убийство. Среди людей появляются дьяволы, для которых чужая жизнь не представляет ценности. Они не хотят остановиться, они множат число своих жертв, решая свои проблемы и проблемки.

Мурзина-мать перестала выходить на работу. Два кольца убитой сданы в ломбард, вещи частично распроданы. Достатка хватило на месяц. Дьяволицы собрались на охоту, сменив сверхзадачу. Теперь целью убийства стали материальные ценности — и только. Социальная ориентация их крайне опасна. Исчез страх перед действиями, составляющими лишение жизни, нет сдерживающего начала ответственности, оно вообще отсутствует в их социальной ориентации.

Еще один вопрос — о жалости. О жалости ничего не сказано в их деле. Знакомо ли им это чувство? Или они всерьез приняли слова великого пролетарского писателя о том, что жалость унижает человека? Приняли и изгнали из сердец жалость? Ответ на этот вопрос могут дать только они. Где была жалость, когда следующей своей жертвой они наметили семнадцатилетнюю знакомую женщину и ее четырехмесячного ребенка? Что они ответят на этот вопрос?

Из показаний Мурзиной Евгении:

Она часто бывала в квартире Гали Буровой и видела там хорошие вещи. Рассказала матери и Светлане. В конце мая Светлана предложила убить Бурову и забрать вещи. Она, Евгения, получила задание выяснить, когда Бурова с мужем уезжают на свадьбу, чтобы совершить убийство, пока они не увезли деньги и свадебные подарки. Вместе обговорили план убийства... Утром 6 июня вместе со Светланой и ее грудным ребенком пришли к

Буровой. Она сама открыла им дверь. Около 10 часов, как договорились, пришла мать. Помогали Гале Буровой убирать квартиру. Когда Бурова стояла на кровати лицом к стене и забивала гвоздь для ковра, Светлана набросила ей на голову простыню. Галя стала кричать и звать на помощь. Светлана вырвала из ее рук топорик, втроем они повалили Галю, Светлана стала бить ее топориком, мать сняла с ее руки обручальное кольцо. Светлана попросила у нее пояс от халата, завязала его на шее Гали, а они с матерью держали Галины ноги, потом все втроем стали тянуть пояс на шее Гали, пока она не перестала сопротивляться. Мать и Светлана стали собирать вещи, а она, Евгения, еще несколько минут держала пояс. Попросила мать проверить, мертва ли Галя. Мать потрогала руку и сказала, что мертва. Сын Буровой лежал здесь же в спальне... Евгения взяла сумки и сына Светланы Руслана, стояла в коридоре, наблюдая, как мать и Светлана в нескольких местах поджигают квартиру. Оставили Эльдара в горящей квартире и ушли.

Они были арестованы на пятый день и признались во всем. Началось следствие. Потом суд. Два смертных приговора — матери и ее дочери Светлане.

Семья женщин — убийц.

Приговор не поставил точку над судьбой этой семьи.

Они ведь не только убивали, они и давали жизнь. Какую? Оксана. Малолетняя дочь Мурзиной. Знала о краже денег матерью у Ветловой. В ночь убийства мать отправила ее ночевать к бабушке, а наутро сестра сообщила ей, что они задушили Ветлову. Была на квартире у бабушки в день убийства Гали. Слышала разговоры, видела вещи. Что будет с ней? Кем будет она? Есть и еще сестренка, братишки есть — все от одной матери, от той же, что породила Светлану и Евгению.

Четырехмесячный сын Светланы был свидетелем трех убийств. Говорят, в Японии есть обычай, когда отец нерожденному еще младенцу рассказывает о его семье. И медики уверены, что младенец воспринимает окружающее с первых дней жизни. Да еще все эти очень увлекательные разговоры о материальности мысли о Добре и Зле, концентрирующихся вокруг своих носителей. И, наконец, все мы родом из детства. Так

что будет с этим мальчиком, слышавшим хрипы уби-
ваемых и сосавшим молоко матери-убийцы?

Господи, спаси и сохрани!

Мать и дочь в камере смертников. Своя жизнь не ка-
жется им малоценной. Они протестуют, они не хотят
быть убитыми. Только сейчас услышали они стоны
жертв, увидели невыразимо жуткие гримасы страдания
и страха. Только сейчас, когда сотворены черные дела
и ничего нельзя поправить. Но если сделать их смерть
тоже насильственной? Значит, мир получит еще убийц —
тех, кто прикажет и кто убьет Мурзиных, кто выпустит
пулю в женский затылок, беспомощно опущенный в
страхе. Как глянут в глаза друг другу свидетели испол-
нения приговора, когда стихнут конвульсии расстрелян-
ного женского тела, впитается в опилки темная кровь
и в камере станет тихо-тихо?

Снова станет меньше жизнью, больше убийц.

Но не стреляют больше в затылок даже очень ви-
новным женщинам. Так куда уходить дьяволицам?

Жизнь Мурзиных и преступление... Знаете, а ведь
страшно и то и другое! Чем дольше размышляешь над
делом семьи женщин-убийц, тем яснее становится:
жертвами дьяволиц могли стать другие люди и совсем
при других обстоятельствах, но путь Мурзиных к прес-
туплению был предопределен. Лицемерием и жесто-
костью общества, нищенством и полнейшей безысход-
ностью их жизни, которую они хотели изменить и изме-
нили так ужасно.

Она продолжается, жизнь. Не надо же ждать или
требовать крови. Только Добру под силу обуздать дья-
волиц, не дать им появиться среди людей, спасти уби-
ваемых и помочь кому-то не стать убийцами.

Не стоит думать, куда уходить дьяволицам. Важно,
чтобы они не появились в нас самих.

РОЖДАЕТСЯ ЗАКОН

В предыдущем номере в рубрике «Рождается закон» начальник управления юридической помощи Министерства юстиции Российской Федерации Владимир Репин в статье «Свободному гражданину — свободного защитника» рассказал нашим читателям о проекте Закона «Об адвокатах», подготовленном Министерством юстиции России.

Итак, точку зрения Минюста мы знаем. Но что же об этом проекте думают адвокаты! Сегодня мы предоставляем слово Алексею Галоганову — Председателю Президиума Союза адвокатов России и Александру Клигману — заместителю Председателя Президиума Московской областной коллегии адвокатов.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К СВОБОДЕ

Адвокаты — профессиональные защитники, адвокаты — профессиональные поверенные... Не очень часто обычному гражданину приходится сталкиваться с адвокатами-профессионалами. Но когда случается несчастье и кто-то из близких вступает в конфликт с законом или привлекается к ответственности по необоснованному обвинению, человек приходит к адвокату.

Много раз авторам настоящей статьи на кон-

сультационном приеме или в судебных процессах приходилось сопереживать бедам, которые в одночасье обрушивались на человека, на его семью. Чтобы реально помогать людям, адвокат должен быть независим. Независим в первую очередь от какого бы то ни было воздействия властных государственных структур. Сегодня действующее законодательство не дает гарантий такой независимости. Однако на протяжении многих лет,

вопреки давлению государства и в первую очередь в лице Министерства юстиции, осуществляющего «общее руководство адвокатурой», адвокаты вели бескомпромиссную борьбу за защиту прав человека.

Сейчас основным препятствием на пути освобождения российской адвокатуры от государственной зависимости являются те законопроекты, регламентирующие деятельность адвокатуры, которые с настойчивостью, достойной лучшего применения, вновь и вновь готовятся в недрах Министерства юстиции Российской Федерации.

Сам факт появления таких законопроектов поначалу удивил адвокатов, так как новый министр юстиции Н. В. Федоров при утверждении его на эту должность заявил в Верховном Совете о том, что он считает недопустимым вмешательство государства в деятельность адвокатуры. Однако слова остались словами, а подчиненные нового министра юстиции проявляют невиданную активность в деле создания законопроектов об адвокатуре, которые, насколько это удастся, позволили бы сохранить или

даже усилить государственный контроль за адвокатурой. Время и объективное развитие событий не позволяют напрямую заявить об этом стремлении, вынуждают включать в законопроекты об адвокатуре общедемократические нормы. Но вновь и вновь в эти проекты включаются положения, которые позволили бы чиновникам от юстиции вмешиваться в деятельность правозащитников.

Те, кто пытается привести упомянутые идеи, выдвигают демагогический лозунг о якобы имеющейся монополии коллегий адвокатов на оказание юридической помощи. Ни о какой монополии коллегий адвокатов сегодня не может быть и речи. Всегда существовала и сегодня существует конкуренция между коллегиями адвокатов, между юридическими консультациями и отдельными адвокатами. Каждый гражданин всегда имел возможность обратиться к любому адвокату, и только опыт, квалификация, умение помочь человеку поднимали авторитет каждого конкретного адвоката, обеспечивали ему персональную практику.

В настоящее время на-

ряду с коллегами адвокатов функционируют правовые кооперативы, юридические центры, что позволяет гражданину сделать свободный выбор. Однако надуманная теория о монополизме коллегий адвокатов, прямо противоречащая реальному положению вещей, не сходит с уст министерских чиновников. В чем же дело? Это утверждение направлено на то, чтобы уничтожить существующие адвокатские объединения, разрушить то, что не строили, и собирать урожай там, где не сеяли. Разрозненные, не объединенные в авторитетные адвокатские корпорации, адвокаты становятся достаточно легко управляемыми и зависимыми от властных структур.

Наряду с демагогическим лозунгом о монополизме адвокатуры министерские чиновники заявляют о якобы имеющемся недемократичном устройстве коллегий адвокатов, говорят и пишут о генералах от адвокатуры, о всевластии президиумов коллегий.

Как известно, демократическое устройство — не самое лучшее из устройств, но ничего лучшего человечество пока не создало. Коллегии адво-

катов образованы на принципах добровольности, в них с давних пор реализуются правила, которые сегодня только еще появляются в других областях нашей жизни. Руководители адвокатских объединений избираются на ограниченный срок. (в настоящее время — 3 года) и только путем тайного голосования. Каждый адвокат имеет право участвовать и фактически участвует в жизни коллегии. В коллегиях адвокатов действует система обучения адвокатской профессии, которой нет ни в какой другой организации. Почти год люди, уже имеющие высшее юридическое образование, изучают дело защиты под руководством опытейших профессионалов. В коллегиях налажена система информационного обеспечения.

Результаты деятельности коллегий профессиональных защитников реально отражены в исследовании, проведенном Институтом государственного права Академии наук: до 90 процентов судебных ошибок выявляется и исправляется по инициативе адвокатов. Разрушение коллегий привело бы к сохранению «общего руководства» адвока-

турой государственными чиновниками, то есть фактически повлекло бы ликвидацию адвокатуры как независимого самоуправляемого общественного института. Те, кто хотел бы сделать адвокатуру зависимой, не утруждают себя, как правило, посещением периферийных юридических консультаций, где в тяжелых условиях выполняют свой профессиональный долг адвокаты. Но эти же люди регулярно наносят визиты в развитые капиталистические страны и под фальшивым предлогом перенесения «цивилизованного опыта на российскую почву» пытаются разрушить действующую систему правозащиты. Министерство, ранее прилагавшее усилия к ограничению приема в адвокатские объединения, сегодня перекладывает свою ответственность за навязанные в свое время коллегиям «лимиты численности» на президиумы коллегий, якобы заинтересованные в сохранении монополии на занятие адвокатской деятельностью. С ликвидацией партийно-административного вмешательства в дела адвокатуры коллегии широко открыли двери для вступления в них квалифицированных

юристов, желающих оказывать юридическую помощь гражданам и организациям.

Московская областная коллегия адвокатов, в которой имеют честь работать авторы настоящей статьи, принимает в свои ряды около 4/5 от числа обратившихся с такой просьбой. Отказ в приеме получают лишь лица, явно некомпетентные либо скомпрометировавшие себя на предыдущей работе в правоохранительных органах. Крупнейшие по численности Московская областная и Московская городская коллегии адвокатов дают объявления, приглашающие всех желающих принимать участие в открытых конкурсах по приему в свои ряды.

Следует отметить, что нехватка юристов — общий бич правоохранительной системы. Не хватает судей, прокуроров, следователей, юрисконсультов. Имеющихся юристов недостаточно, а юридические вузы в некоторых случаях даже сокращают число выпускников. Однако даже это тяжелое положение с кадрами юристов не препятствует российской адвокатуры выполнять возложенные на нее задачи.

Адвокаты России обес-

печивают защиту по всем уголовным делам, причем огромный массив юридической помощи оказывается бесплатно как по уголовным, так и по гражданским делам. Правда, бесплатной эта помощь является только для граждан, ее получающих. Труд адвокатов, оказывающих такую бесплатную помощь, оплачивается за счет средств коллегий. Министерство же юстиции, на которое возложена задача организации правовой помощи, до сего дня не сделало ничего для того, чтобы названные виды юридической помощи финансировались за счет государства. Мысль министерских чиновников не пошла в этом направлении дальше предложения об организации «муниципальной адвокатуры». По мысли авторов этого предложения, адвокаты должны состоять на жаловании у государства. Много ли может сделать юрист, получающий зарплату у государства, для защиты от государственного же обвинения? Пусть ответ на этот вопрос читатели дадут сами. Но когда идея «муниципальной адвокатуры» не прошла, она была трансформирована в идею некоего муниципального фонда ком-

пенсации за бесплатную работу адвокатов. Всеми силами Министерство юстиции и его управление юридической помощи стараются приобрести контроль над средствами, за счет которых должна оплачиваться юридическая помощь.

Особенно «трогательной» представляется забота министерских чиновников о защите адвокатов от их собственных объединений — коллегий, союзов и т. п. «Искренность» такого рода заботы может быть рассчитана только на неосведомленную аудиторию, не знающую, что все объединения адвокатов являются исключительно добровольными, а их руководящие органы избираются только на основе тайного голосования. Названный порядок гарантирует невозможность появления в руководстве адвокатурой случайных некомпетентных людей.

Каким угодно образом, под какими угодно предлогами, вопреки мировому опыту, министерские чиновники пытаются проталкивать идею государственного контроля над адвокатурой. В странах с развитой правовой системой, где имеется надлежащее представление о взаимоотношениях орга-

нов юстиции и адвокатуры, где традиции не позволяют государству вмешиваться в деятельность независимых адвокатских объединений, невозможно себе представить государственное руководство деятельностью адвокатуры.

В России же лишь одно упоминание в законе о праве чиновничьего контроля за деятельностью адвокатуры способно погубить ее как независимый институт правозащиты. Между тем в министерском законопроекте содержится целый набор положений, подчиняющих адвокатов ведомственному произволу. Право решать, кто может стать адвокатом, предоставляется комиссии, созданной Министерством из адвокатов и... судей. Та же комиссия, состав и порядок деятельности которой определяется Министерством и Верховным судом, вправе рассматривать дисциплинарные дела в соответствии с Положением о дисциплинарных комиссиях (что это будет за По-

ложение, известно лишь авторам проекта) и лишать адвокатов лицензии на занятие профессиональной деятельностью. Пожаловаться адвокат сможет в созданную теми же Минюстом и Верховным судом апелляционную комиссию, решение которой будет окончательным.

Таким образом, властные полномочия, решающие судьбу адвоката, предоставлены чиновникам Минюста и судьям, а упоминание о том, что вопросы деятельности этих комиссий определяются «с участием» адвокатов (Минюст и судьи определяют, а адвокаты при сем участвуют), является лишь фиговым листком, прикрывающим откровенное желание подмять адвокатуру под пресс чиновничьего усмотрения.

Авторы статьи, может быть, чрезмерное внимание уделяют оценке министерского законопроекта. Однако хотелось бы надеяться, что читатели простят нас за это. Уж очень наболело.

А. ГАЛОГАНОВ,
Председатель Президиума
Союза адвокатов России

А. КЛИГМАН,
заместитель Председателя
Президиума Московской областной
коллегии адвокатов

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Об упорядочении платы за содержание
детей
в детских дошкольных учреждениях
и о финансовой поддержке системы
этих учреждений**

В целях упорядочения платы за содержание детей в детских дошкольных учреждениях и финансовой поддержки системы этих учреждений в условиях либерализации цен и с учетом статей 7, 44, 45 Закона РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» Верховный Совет Российской Федерации постановляет:

1. Верховным Советам республик в составе Российской Федерации, местным Советам народных депутатов:

установить с 1 апреля 1992 года размер платы, взимаемой с родителей независимо от места их работы (службы, учебы) за содержание детей в детских дошкольных учреждениях, находящихся на балансе предприятий, организаций, учреждений, органов исполнительной власти, в размере не более 20 процентов, а с родителей, имеющих трех и более несовершеннолетних детей,— не более 10 процентов затрат на содержание ребенка в данном учреждении; определить категории семей, нуждающихся в дополнительных льготах или компенсациях по оплате содержания детей в детских дошкольных учреждениях из средств местных бюджетов.

2. Освободить родителей от платы за содержание в детских дошкольных учреждениях детей, у которых, по заключению медицинских учреждений, выявлены недостатки в физическом или психическом развитии, а также детей, находящихся в туберкулезных детских дошкольных учреждениях.

3. Правительству Российской Федерации, Советам Министров (правительствам) республик в составе Российской Федерации определить источники финансирования детских дошкольных учреждений, находящихся на балансе предприятий, организаций и учреждений, и внести соответствующие предложения в проект закона Российской Федерации «О бюджетной системе Российской Федерации на II квартал 1992 года и на 1992 год».

Москва, Дом Советов России
6 марта 1992 года
№ 2464—I

**Председатель Верховного Совета
Российской Федерации
Р. И. ХАСБУЛАТОВ**

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Александр ПРОЦЕНКО

СТРАНА ОБЕТОВАННАЯ

В Израиле счастлив тот, кто не бежит ОТКУДА-ТО, а стремится именно СЮДА.

Иначе скажу: счастлив тот, кого привел в Израиль сионизм, а остальные бегущие из бывшего СССР за лучшей экономической долей до конца дней своих будут чувствовать себя здесь как на чужбине.

И вот это — самое большое испытание для всех «олим ходашим» — новых репатриантов из нашей страны. Особенно для тех, кто дома имел солидное положение и высокую должность и в Израиле рассчитывал на нечто подобное. Но, как рассказывали нам в Тель-Авиве, Израиль и сегодня испытывает трудности с устройством на работу, например, врачей — их перепроизводство, и место по специальности может получить из приезжих лишь очень хороший врач. Но претендуют-то на эти места приезжающие не врачи, а главврачи! Разница, как понимаете, весьма существенная.

Переезжая в Израиль, бывший гражданин бывшего СССР практически отсекает от себя основную долю советских проблем: о еде, одежде,

даже жилье. В минимальном размере все это имеет каждый житель Израиля, и нет здесь голодных, раздетых или бездомных.

Но для каждого репатрианта практически немедленно возникают иные проблемы — либо как занять в новом мире общественное положение не хуже того, какое было в СССР. Либо как зажить не хуже соседа, который имеет не квартиру, а КВАРТИРУ или свой дом и машину более престижной модели и так далее, и тому подобное. А для достижения новых и новых целей нужно трудиться. Причем не просто «пахать», а искать новые возможности: для повышения своей значимости на имеющейся службе, новое место работы, переход в класс бизнесменов и т. п.

Но советский человек приучен к мысли, что работу выбирают на всю жизнь, что от добра добра не ищут, что ты работай, и о тебе позаботятся. В общем, искать, «суетиться» умеет далеко не всякий.

О тех, кто это умеет, речь впереди, а пока мы познакомимся с израильским социализмом.

И ВСЕ ВОКРУГ КОЛХОЗНОЕ, И ВСЕ ВОКРУГ МОЕ...

Старый портной из Одессы Яков Земмельман, о котором я еще расскажу, пока прожил в Израиле чуть больше года, но он, кажется, понял главную особенность этой страны — ту самую особенность, которая так роднит землю обетованную с землей родимой, то есть с нашей.

— Что вы хотите, — сказал Яков, — эти две страны строили одни и те же люди, марксисты и социал-демократы. Но там — большевики, а здесь — меньшевики...

Вам непонятно? А мы согласились с Земмельманом, познакомившись с израильским колхозом — кибуцем Агошрим. Расположенный на севере страны, один из самых богатых и благополучных (хозяева, как и у нас, старались возить журналистов по самым лучшим адресам, тем самым приукрашивая и подлакируя действительность), этот кибуц можно считать образцово - показательным. И все же — типичным.

Но сначала — что такое кибуцы? Начало им было положено в 1910 году,

когда в Палестине появились первые евреи — переселенцы из России. Те самые эсдеки-меньшевики, о которых говорил старый портной Яков. В долинах Палестины уже были еврейские хозяйства, причем достаточно богатые, как у нас говорили тогда — кулацкие. Наемными работниками у евреев-кулаков были арабы, и «своих» здесь на работу не брали, ибо приезжие оказались из числа интеллигенции — кому же нужны такие?

Чтобы выжить, приезжие объединялись в небольшие коммуны, по пять — десять — пятнадцать человек. Вместе, в куче, было легче продержаться. Потом в этих коммунах родилась идея осуществить на практике свои социалистические идеи. С тех пор кибуцы стали сообществами людей, вместе живущих и вместе работающих по принципу: от каждого — по способностям, всем — поровну. Думаете, это невозможно? Вот и мы так думали.

Давайте посмотрим, что из себя представляет кибуц Агошрим. Это 300 членов кибуца и 180 детей. А всего здесь, на территории, огороженной рядами колючей проволоки

(в нескольких километрах — граница с Ливаном, откуда постоянно ожидаются террористы — опасность скорее воображаемая, чем реальная, но это сегодня, когда юг Ливана контролируют израильские войсковые подразделения), живет 540 человек. То есть в дополнение к членам кибуца еще 6 процентов волонтеров, наемников, кандидатов в кибуцники и государственных служащих (например, врач).

Основной род занятий — сельское хозяйство. Выращиваются апельсины, авокадо. Выращивается хлопок — урожайность 5,5 тонны с гектара («У нас не более 3,7 тонны с гектара», — вздохнул таджик — член нашей журналистской группы). Есть птичник на 50 тысяч кур. Обслуга — один человек. Правда, забой и дальнейшая обработка производятся в другом месте, на фабрике, куда птица едет «живьем».

Это — производство. Но, как ни странно, все оно убыточно или дает минимальную прибыль. Тем не менее кибуц — богатый, и это уже социализмом не объяснишь.

Для нас может показаться странным, даже диким. Было нормальное

хозяйство, занималось нормальным делом, выращивало вкусные и полезные для человека продукты — и едва-едва сводило концы с концами. А потом пришел период расцвета.

Он пришел, когда кибуц купил у двух израильских изобретателей их «придумку» — электрический аппарат для удаления волосяного покрова с кожи рук и ног. Надо сказать, что изобретатели предлагали свой прибор нескольким мощным компаниям и получили от ворот поворот — никто не верил, что приборчик будет иметь спрос.

Кибуцники решили рискнуть.

В короткий срок в кибуце Агошрим была построена специальная фабрика, подобраны партнеры для изготовления комплектующих деталей и заготовлен приличный запас приборов «Эпиледи». Бешеная рекламная кампания дала свои результаты — в первый же год удалось продать 1 миллион аппаратов. Во второй год выпустили и продали 5 миллионов аппаратов, в третий год — 10 миллионов. Одновременно кибуц вышел на внешний рынок.

Это — способ разбога-

тет. Теперь — о том, как здесь деньги тратятся.

У каждого кибуцника — точнее у семьи — своя квартира. Там есть все, что необходимо семье для жизни, но без особых излишеств. На год каждая семья получает некий «бюджет» — сумму, которую она может потратить по своему усмотрению.

Этот бюджет определяется следующим образом. На собрании кибуцников устанавливается: в грядущем году каждому можно купить, скажем, по одной паре штанов такой-то стоимости, а женщинам — по юбке или платью за такую-то цену. Каждому ребенку можно приобрести столько-то костюмчиков (платьиц) и столько-то пар обуви. Еще учитываются расходы на какие-то предметы домашнего обихода.

Из стоимости всех определенных собранием покупок теперь и составляется бюджет каждой семьи. Причем здесь действует коммунистический принцип (или, скорее, казарменно - коммунистический): всем поровну. Поэтому семьи, имеющие больше детей, не остаются в проигрыше — ведь размер бюджета определяется не трудовым вкла-

дом, а размером данной семьи.

А дети... Детский сад — это чуть ли не лучшее, что есть в кибуце. Не считая школы, в которой несметное количество кружков, и после окончания уроков родители совершенно не видят детей до самого вечера.

Всего лишь один штрих, характеризующий заботу о детях: в кибуце имеется специалист, который следит, чтобы на всей территории не было ни единого вредного растения — дети имеют право и возможность тянуть в рот любое растение, которые к тому же на территории выращиваются без всякой химии.

И после того, как мы посмотрели этот коммунизм на израильской земле, мы задали себе несколько вопросов.

Первый: почему самый настоящий колхоз, да еще на коммунарских началах, прекрасно существует в Израиле и процветает? В них живет всего 5 процентов населения страны, но именно кибуцы являются основными поставщиками сельхозпродуктов в самом Израиле и на экспорт. Почему у НИХ — получилось, а У НАС — нет?

Ответ, думается, прос-

той: у нас колхозы никогда не были добровольными. А в кибуцы люди идут только по желанию, и не каждого сюда возьмут, и не каждого оставят после испытательного срока. И даже свою молодежь кибуцники не привязывают какими-то моральными или материальными путями. Напротив: после армии кибуцник, возвращающийся домой (что совершенно не обязательно), направляется на работу в качестве наемного рабочего, и ему дают возможность заработать максимум средств. За год набирается сумма, достаточная для путешествия по свету. Едут молодые кибуцники в Америку или Европу. Смотрят иные миры. Хотят — где-то устраиваются, хотят — возвращаются в Израиль (не обязательно в кибуц). И эта реальная, а не декларированная свобода выбора приводит к тому, что в кибуцах живут и трудятся лишь те, кто хочет там жить и работать, кто по складу характера, по образу мыслей готов быть коммунаром.

Здесь приходит пора для второго вопроса: хорошо ли это — кибуцы-коммуны? Наверное, на каком-то этапе разви-

тия — очень хорошо. Но наступает время, когда... В Израиле сегодня кибуцников становится меньше (но принимают туда так же придирчиво), и в Агошрине нам сказал один из старожиллов, всю жизнь проживший в кибуце и полностью согласный с уравнилельным принципом распределения: «Все-таки нелегко всегда и во всем подчиняться мнению большинства. Я понимаю молодежь, которая хочет независимости от окружающих и потому не идет в кибуцы...»

КАПИТАЛИЗМ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ, ИЛИ «САД, ГДЕ ВЫРАЩИВАЮТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ»

...Район, где господин Вертхаймер построил свой комплекс предприятий, называется «Тефен». И я даже не знаю, как обозначить эту индустриальную громадину. Это и не комбинат, и не концерн, и даже не серия или гроздь заводов. Сами израильтяне называют Тефен промышленным садом. Не потому, что корпуса здесь утопают в зелени и сами корпуса невысоки и почти незаметны на фоне красивейшего природного ландшафта.

Сад — это место, где что-то выращивают. Полезное. Культурное. В промышленном саду Тефен выращивают различные производства и предпринимателей.

Здесь есть все необходимое для этого: производственные площади, обеспеченные энергией, есть современный станочный парк, складские помещения. Есть администрация текущего управления, юридические и коммерческие службы. И нет (не было) лишь хозяина-предпринимателя, который захотел бы выпускать в этих целях какой-то продукт, какой-то товар.

В общем, выстроив весь этот комплекс, Стеф Вертхаймер объявил конкурс начинающим предпринимателей, пообещав победителям предоставление производственной базы на пять лет. Победителей могло быть 20 человек, имеющих наилучшие идеи. Требования к претендентам были следующими. Производство должно быть экологически чистым. Выпускаемый продукт — тоже. Товар должен иметь спрос на мировом рынке. Автор идеи должен четко представлять технологию не только производства, но и сбыта продукции.

— Мы крайне тщательно проверяем людей, прежде чем предоставить им возможность открыть здесь предприятие,— говорит сам основатель промышленного сада.— Желающие должны доказать, что они будут выпускать продукцию, которую можно экспортировать. И знают, как ее изготовить, чтобы она была конкурентоспособна. Если предприниматель отвечает этим критериям, мы помогаем ему начать с чего-нибудь небольшого. При этом предоставляем услуги нашего бюро промышленного дизайна, наших аналитических и коммерческих служб.

Но, подчеркну, все эти услуги — за деньги. Не потому, что господин Вертхаймер нуждается в дополнительной прибыли (хотя ни один предприниматель от прибыли не откажется). Но здесь цель иная. На Западе давно уяснили: что задешево дается — соответственно и ценится. И потому претендент «на выращивание» своего предприятия в саду господина Вертхаймера должен позаботиться и о начальном капитале для оплаты услуг промышленного сада. Правда, в случае необходимости на Тефене ему помогут по-

лучить банковский кредит. И еще здесь создается международный учебный центр по экспортной промышленности. Во всяком случае Стеф Вертхаймер хочет создать такой центр. Такой, чтобы отвечал интересам всех стран региона.

— Это не будет еще один учебный центр, в котором много говорят о прошлом и мало внимания уделяют будущему Средиземноморья. Основным стержнем этого центра должна быть не религия, не история и даже не природные особенности и проблемы, а экспортная продукция, экспортная промышленность.

А пока в Тефене из 20 предпринимателей восемь закончили становление своих производств и ушли на новые места, освободив площади для следующих новичков. Остальные подбирают для себя площадки для сооружения собственных заводов. И лишь один (из двадцати) — прогорел.

Ознакомившись со всей этой теорией и практикой, мы задались вопросом: почему то, что должно было, по идее, делать правительство, осуществлял частный предприниматель? Но потом прикинули: а действительно ли

созданием промышленного сада должно заниматься государство? Быть может, его функция — это лишь обеспечение необходимых условий для развития предпринимательства? Если так — функция выполнена. Ибо район Тефен включен в список районов развития первого типа. Что подразумевает его стратегическую важность, из-за чего здесь наивыгоднейшие условия получения кредитов, меньшие налоги и прочие льготы. А в результате сегодня Тефен — это уже 54 завода, и, хотя в районе живет лишь 3 процента населения Израиля, они дают 13 процентов всей экспортной продукции страны.

Тем не менее есть не слишком веселая статистика: через пять лет после начала собственного дела в Израиле выживает лишь 20 процентов предпринимателей, остальные закрываются или разоряются. Как здесь говорят, в Израиле труднее получить десятый заказ, чем первый. То есть шанс тебе дадут, но с каждым разом требовательность к твоей продукции будет повышаться. Не сумел добиться соответствующего уровня — пеняй на себя.

И все же, дабы чуть-

чуть прибавить оптимизма, рассказывая о «наших», живущих сегодня «там», приведу рассказ портного из Одессы Якова Земмельмана — как выстоять и преуспеть?

— У нас чисто семейный бизнес: я, мой брат и мой зять. Открыли мы его через четыре месяца после приезда. А тогда, после высадки на берег, я сразу пошел на трикотажную фабрику. Шел со страхом: как они кроют, чем работают, какой здесь уровень, сумею ли я так? Но страхи оказались мыльным пузырем: я тут же встал и тут же покроял, и меня тут же взяли на работу. И тогда я не пошел в ульпан (школу для прибывших) учить язык, а начал зарабатывать деньги для своего бизнеса, чтобы потом не брать в банке ссуду. То, что я заработал, мы вложили в маленькое дело, сняли помещение и купили четыре швейные машинки и два оверлока. И мы начали шить, и у нас ничего не получилось, потому что здесь работают совсем другие люди. Они шьют массовый товар так быстро, как я не сумею. Но это халтура. Я стал кричать: караул, куда я влез? И чем больше ра-

ботал, тем больше были убытки.

И тогда я сменил точку зрения на эту жизнь. Потому, что есть товар разный: дешевый и дорогой. На массовке я конкурировать не могу, но, быть может, у меня получится хорошее качество?

Когда я пошел в известные фирмы и просил работу, меня восприняли с опаской: кто такой, откуда взялся и вообще. — разве в России умеют шить? Но я был настойчивым, я просил дать на пробу хоть несколько единиц. Мне давали материал, модели и говорили, когда принести. И после первых же проб отношение к нам менялось, потому что люди видели качество. И к костюмам, которые мы шили на своих четырех машинках, пристрачивали товарные знаки лучших фирм, и это шло в продажу, а мы получали новые заказы.

А теперь мы не только шьем, но и предлагаем свои модели, и имеем успех. И фирма «Милена» — это имя моей дочери — имеет некоторую известность, и мы уже готовим собственную коллекцию, причем есть договоренность с США и ФРГ, которые хотят купить некоторые наши модели. И пусть

мне теперь не говорят, что западный рынок полностью занят и на него нельзя пробиться. Хорошая работа всегда нужна покупателю...

Мы, группа журналистов из бывшего СССР, сидели в помещении Федерации торговых палат Израиля, слушали наших бывших соотечественников, добившихся здесь успеха, и не понимали: почему недавние советские люди, попавшие в страну, где есть «давние» советские люди, с минимальной помощью извне раскрывают в себе такие таланты, о которых до переезда и не подозревали? Почему эти таланты не обнаруживаются в Москве или Одессе, Омске или Ярославле? Ведь не в еврейской же крови причина, тем более, что далеко не все из наших собеседников были евреями даже на «осьмушку».

Может быть, у израиль-

тян есть какой-то особый секрет? Но они готовы поделиться. Та же Федерация торговых палат Израиля создала в Тель-Авиве целую сеть переподготовки репатриантов из России, переобучения их, адаптации к новым условиям. Федерация готова создавать такую же систему у нас, в России. Почему же мы не используем эту возможность?

Добавлю, что число людей, уезжающих туда «на переподготовку», растет с каждым месяцем. И с каждым случаем, свидетельствующим о росте напряженности в государствах бывшего Союза. Похоже, миллион репатриантов Израиль получит. Но надо бы, чтобы и Россия их не потеряла. Переехав ТУДА, многие будут мечтать снова и снова побывать ЗДЕСЬ. Чем не повод для налаживания самых прочных деловых контактов?

НЕ ВСТУПАТЬ В КОНФЛИКТ

Живу на первом этаже и постоянно мучаюсь — задыхаюсь от автомобильных выхлопов. Владельцы машин так и норовят их поставить под самые окна. Слышала, что вышел закон, запрещающий ставить автомобили в неположенном месте. А нарушителям — штраф до 500 рублей.

М. МАКЛЕЦОВА,
город Волгоград

К сожалению, ничем не можем Вас утешить. Согласно Правилам дорожного движения, при отсутствии запрещающих знаков машины для остановки и стоянки должны ставиться таким образом, чтобы они не создавали помех для движения других транспортных средств, а также пешеходов. Существующие же СНиПы (Строительные нормы и правила) предус-

матривают строительство автоплощадок и автостоянок не ближе, чем в пятнадцати метрах от жилья. Конечно, эти правила безнадежно устарели. В настоящее время СНиПы перерабатываются, но, когда будет закончена эта работа, неизвестно.

Единственное, что можно посоветовать в такой ситуации, обратитесь, может быть, коллективно, за помощью в органы Госавтоинспекции. Если это будет возможно, они пойдут Вам навстречу и поставят знак, запрещающий остановку и стоянку автомобилей, если не на круглые сутки, то хотя бы на какое-то время.

Мы купили автомобиль. Но, к несчастью, на справку, которую выдал магазин, пролили машинное масло. Цифры, буквы, печать видны. Однако ГАИ не выдает нам номера на

машину, а магазин не выдает дубликат справки.

Т. КОЛОСОВА,
Республика Якутия Саха

Если, как пишет наша читательница, «цифры, буквы, печать видны», то непонятно, почему Госавтоинспекция не принимает автомобиль на регистрацию. Скорее же всего в этом основополагающем для регистрации нового автомобиля документе недостаточно четко виден текст. В таком случае я своих коллег вполне понимаю.

Странно другое — отказ работников торговли выдать дубликат справки на машину, которая зарегистрирована в рабочей документации магазина. Здесь остается только одно. Искать управу на нескговорчивых работников торговли в их вышестоящих организациях (городском управлении, республиканском министерстве).

Мой муж неграмотный — рос без родителей, да и некогда было учиться во время войны. Сейчас он на пенсии и купил на старости лет «Жигули». А на права сдать не может. Выехать никуда нельзя — ни за водой, ни в лес.

Я понимаю, кто за ру-

лем пьяный или нарушил правила, то отвечай. А как быть нам? Муж не пьет и ездить за рулем нельзя! Что же ему, идти в первый класс с внуком?

Объясните, можно ли ездить по совхозу «подомашнему», без прав!

О. ПЛАХУТИНА,
Омская область,

К сожалению, никто не может разрешить Вам ездить «подомашнему», без прав. Это является одним из грубейших нарушений Правил дорожного движения. Ситуация, которую Вы описываете, неординарная, это редчайший случай, когда человек в наше время не умеет читать. Тем не менее и из этого положения можно найти выход.

И если Вашему мужу невозможно пойти в первый класс, то вполне возможно выучить Правила дорожного движения на слух, с голоса и сдать экзамены экстерном, без занятий на специальных курсах. А при сдаче теории по ПДД вполне возможно договориться с экзаменатором, чтобы тот опрашивал Вашего мужа не письменно, а устно. Уверен, что в таком редком случае «гаишники» пойдут Вам навстречу.

С. ЯБЛОЧКИН
сотрудник ГАИ МВД РФ

Выйдя из такси недалеко от Сретенки, Миша Каменский и Лука, он же Виктор Лукашов, без особого труда разыскали мастерскую металлоремонта, о которой узнали еще в Одессе. Стояла июльская жара, оба вспотели. И Миша, и Лука были одесситами, в школе учились в одном классе, вместе поступили в Кораблестроительный. Схожими оказались их пути и после института. Еще до защиты диплома он и Лука решили, что ишачить по специальности не будут никогда. Оба были убеждены, что копейки, выдаваемые в заводских кассах, нормального человека могут только унижить. Естественно, свои дела они решили делать сами, не связываясь ни с жульем — ворами в законе, ни с одесскими крупняками, то есть главарями мафии. Лука, всегда тяготевший к искусству, зарабатывал перепродажей картин и антиквариата. Миша, которого отец, директор одесского автопредприятия, после института устроил к себе водителем, мог в те дни при желании выбивать до пяти сотен в день одним извозом. Однако возить людей Миша посчитал

для себя делом скучным и унижительным. И как-то само собой получилось, что начал заниматься скоком по машинам, иначе говоря — воровством. Четыре колеса и стекло, снятые за ночь, сразу давали ему солидный заработок. Но с какого-то времени он понял: это для него не деньги. Если он хочет считать себя по-настоящему обеспеченным человеком, а он этого хочет, то должен взяться за дела серьезные. Именно из этих соображений, заплатив крутой вступительный взнос, Миша устроился барменом в валютный бар в районе Ливадии. Работенка была неплохой, особенно из-за валюты, которую Миша за это время успел прилично подзаработать. Но он уже понимал: карьера бармена тоже не принесет ему счастья.

И вот впервые им с Лукой подвернулось наконец серьезное дело в Москве. Действительно серьезное. Готовились они к нему почти год. Сейчас наступил решающий момент, и Миша прислушался к себе: волнуется ли он. Нет, он был спокоен.

Детективная повесть «Алмазы оперной певицы» написана мастером советского детектива Анатолием Ромовым. Наиболее известные из его книг: «Таможенный досмотр», «При невыясненных обстоятельствах», «Совсем другая тень» и другие.

Анатолий Сергеевич Ромов родился в 1935 году в Москве. В 1955 году окончил Ленинградское мореходное училище, плавал на судах торгового флота. Затем, оставив флот, окончил Литературный институт им. Горького, Высшие сценарные курсы Союза кинематографистов. Дебютировал как писатель рассказом «Первый груз» в 1956 году, а в 1961 году опубликовал в журнале «Смена» первую детективную повесть «След обрывается у моря». Вслед за этим одна за другой выходят в свет кни-

ги: «Следы в пустоте», «В чужих не стрелять» и многие другие. По сценариям А. Ромова, поставлен ряд остросюжетных художественных фильмов.

Перед тем, как войти в мастерскую металлоремонта, Миша спросил Луку:

— Где у тебя пистолет?

— Не волнуйся, все в порядке. В кармане.

Войдя в крохотное помещение, увидели в окошечке склонившегося над верстаком белобрысого паренька. Сунув голову в окошко, Миша кашлянул.

— Добрый день.— Подождав, пока парень поднимет глаза, спросил доверительно:— Друг, нам бы Ашота... Он здесь?

— А зачем он вам? Если что починить, я сделаю.

— Нам не чинить. Мы по личному делу.

— По личному? — Посмотрев внимательно на Мишу, паренек вздохнул. Сказал, взяв напильник:— Ашот! Тут тебя зовут!

— Кто? — донеслось из-за стены.

— Не знаю... Какие-то ребята...— Паренек снова занялся работой.

Секунд через десять из-за стены выглянул смуглый человек лет тридцати пяти с черными усами и обширной лысиной. Наметанным взглядом Миша определил: силой этот человек не обижен. Похоже, он и в самом деле из деловых.

Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза. Наконец, подойдя поближе, человек кивнул:

— Вы меня спрашивали?

— Да. Мне нужен Ашот.

— Я Ашот. Что дальше?

— Ну... Ашот, нам надо поговорить.

— Поговорить о чем?

— Меня зовут Коля. Я с Приморья.

— Очень приятно. Что дальше?

— Вам должны были звонить насчет меня. Только что.

— Звонить? Кто?

— Н-ну...— Миша покосился на белобрысого. Ашот кивнул:

— Можете при нем. Так кто мне должен был звонить?

— Костя Дегтярь.

Наверное, прошла целая вечность, прежде чем Ашот сказал:

— Д-да... Понятно. Второй, он что, с вами?

— Со мной.

Поразмыслив еще несколько секунд, Ашот открыл дверцу в перегородке:

— Хорошо, проходите. Вот сюда, во вторую дверь.

Войдя вместе с Лукой в небольшую комнату, Миша увидел еще одного человека. Сидя за единственным в комнате столом, этот человек не спеша крутил в руках пачку «Мальборо». Наверняка он был старше Ашота лет на пятнадцать. Правда, выглядел при этом ничуть не хуже, тем более, что в отличие от Ашота у него были длинные темные волосы, почти не тронутые сединой. Объединяло же их то, что у обоих была смуглая кожа. И одежда: оба почти в одинаковых джинсовых доспехах.

После того как Ашот закрыл за собой дверь, человек молча посмотрел на него. Ашот кивнул:

— Гурген, это ... про которых звонил Дегтярь.

— Из Приморья?

— Из Приморья.

— Понятно.— Пожевав губами, Гурген отложил пачку «Мальборо». Улыбнулся.

— Садитесь, ребята. Поговорим.

Поставив сумку рядом со стулом, Миша сел. Лука остался стоять. Гурген покосился на него.

— Присаживайтесь и вы, молодой человек. Места хватит.

— Спасибо, я постою.— Подойдя к подоконнику, Лука водрузил на него сумку. Сунув обе руки в карманы канадки, прислонился к стене. На мгновение задержавшись на нем взглядом, Гурген повернулся к Мише:

— Меня, как вы слышали, зовут Гургеном.

— Меня Колей.

— Меня Антоном,— сказал Лука.

— Очень приятно...— Гурген снова покосился на него: — Коля, Костя говорил мне о том, что вы хотите что-то сдать. Я правильно понял?

— Правильно. Мы хотели бы сдать золото.

— Рыжье...— Выждав несколько секунд, Гурген снова взял пачку.— И много у вас этого рыжья?

— Ну... Для начала граммов триста.

— Это что, лом?

— Нет, цацки. Некоторые с камнями. Просто я так сказал.

— Понятно,— Гурген снова взял пачку.— А почему для начала, Коля?

— Ну... во-первых, мы вас не знаем.

— Теперь знаете.

— Во-вторых, не знаем ваших условий,— Миша улынулся.

— Д-да...— Гурген помолчал.— Что ж, все правильно. Ну а можно посмотреть ваши вещи?

Помедлив, Миша достал из кармана заранее приготовленную цепочку с сердечком, положил перед Гургеном. Цепочка, по самым скромным подсчетам, стоила не меньше трех тысяч.

Разглядев цепочку, Гурген посмотрел на Мишу.

— Я вижу одну цацку. А где остальные?

— Остальные будут после разговора.

— После разговора...— Гурген помолчал.— Как я понимаю, вы предлагаете мне оценить эту вещь?

— В общем — да.

— Ясенько,— взяв цепочку, Гурген внимательно осмотрел ее. Найдя пробу, подержал на весу. Положил на прежнее место. Вздохнув, поднял глаза:

— Ну что, Коля. За эту цацку я могу вам сразу же дать две бумаги.

— Понятно.— Миша спрятал цепочку в карман. Взяв сумку, встал со стула. Улынулся: — спасибо, Гурген. Было очень приятно познакомиться. Но мы пойдем. Извините.

— Что-нибудь не так? — сказал Гурген.

— Да нет, все так. Просто мы пойдем, у нас дел много. Антон, пошли...

Вынув одну руку из кармана, Лука закинул сумку за плечо. Посмотрев на него, Гурген покачал головой.

— Хорошо, Коля. Я готов дать три бумаги, пострадав при этом.

— Гурген, большое спасибо. Но мы в самом деле пойдем. Вы уж извините.

— Вам мало трех тысяч?

Посмотрев на Гургена в упор, Миша усмехнулся.

— Гурген... Дело не в том, мало или много. Дело в том, что это вообще не разговор.

— А что разговор?

— Ну, наверное, вы знаете, что считать разговором.

Помолчав несколько мгновений, Гурген наконец потер щеку.

— Хорошо, Коля. Сядьте.

— Зачем?

— Сядьте, я ведь вас прошу. Поговорим спокойно.

Усевшись, Миша посмотрел на Гургена. Достав из пачки сигарету, Гурген не спеша закурил. Выпустив вверх несколько колец, сказал:

— Коля, что вы хотите конкретно?

— Конкретно я хочу, чтобы вы все взвесили. Ну и тогда можно продолжить разговор. Но уже серьезно.

— Что значит «серьезно»?

— Серьезно — значит без фраерских цен.

— Д-да...— Выдавив это, Гурген снова выпустил несколько колец.— Но для серьезного разговора мне нужно посмотреть весь ваш товар.

— Пожалуйста. Вы подумаете, все взвесите и увидите товар. Весь.

Не спеша потушив сигарету, Гурген вздохнул.

— Хорошо, Коля. По-моему, у вас были еще какие-то вопросы?

— Были. Костя сказал, вы можете помочь устроиться в гостиницу.

Гурген потер бровь.

— Был такой разговор.

— Ну и как?

— Вам просто нужно где-то остановиться?

— Н-ну... Вообще-то, если честно, мы с Антоном хотели бы остановиться в нормальной, хорошей гостинице.

Гурген помолчал, потом спросил:

— А что вы считаете нормальной, хорошей гостиницей? Допустим, я предложу вам «Космос». Вас это устроит?

Интуристовский «Космос» Миша хорошо знал. Он бывал там вместе с Галей.

— Устроит.

— И долго вы хотите там жить?

— Для начала дней пять. Если можно.

— Пожалуйста. Но это будет стоить некоторых денег.

— Примерно каких?

— Смотря какой вы хотите взять номер. Обычный? Люкс?

— Люкс. Если можно.

— Можно. Люкс в «Космосе» стоит 168 рублей в сутки. На пять суток с броней и пропиской это примерно полторы тысячи. Плюс по сто рублей с брата за устройство. Разумеется, в сутки. Итого за все — две штуки пятьсот. Как, нормально?

Такса двести рублей за устройство, по мнению Миши,

была несколько завышена. Но поскольку именно на это он и рассчитывал, то сказал, улыбнувшись.

— Вполне. Спасибо, Гурген.

— Пожалуйста. Паспорта у вас с собой?

— С собой. Только, Гурген... — Миша прищурил один глаз.

— Да?

— Деньги и документы мы отдаем вам в «Космосе». У стойки. Вы нас очень извините. Хорошо?

— Ну... раз вы такие недоверчивые ребята, хорошо. Вы на тачке?

— Нет, но можем взять.

— Зачем, моя машина стоит в переулке. — Гурген встал: — Пошли?

— Пошли.

Сев в гургеновскую «девятку», они через пятнадцать минут входили в «Космос». Швейцар посмотрел было вопросительно, но Гурген тронул его за плечо:

— Ребята со мной. — Подойдя к стойке администратора, сказал негромко: — Давайте ксивы и бабки. И посидите в кресле.

Взяв у Миши и Луки паспорта, подождал, пока Миша отсчитает две тысячи пятьсот рублей. Небрежно сунув толстую пачку купюр в карман, подошел к стойке.

Усевшись в мягкие кресла, Миша и Лука молча следили, как Гурген разговаривает с администраторшей. Длилось это около десяти минут. Наконец, видимо договорившись, Гурген протянул деньги и паспорта. Получив в обмен пустые бланки, подошел к столику:

— Заполняйте. У вас номер люкс на одиннадцатом этаже. На пять суток. Захотите продлить — условия те же.

— Паспорта остаются у администратора? — спросил Миша.

— Да. Вместо них вам дадут визитки. Но если вдруг понадобится паспорт, вам, конечно, его выдадут. Все?

— Все, — сказал Миша, — если не считать разговора.

— Ну да, — Гурген помолчал. — Разговора... Наверное, лучше всего поговорить завтра. Как, Коля?

— Давайте завтра. Только желательно на нейтральной почве.

— В смысле?

— Где-нибудь в городе. Сядем и спокойно поговорим.

Гурген пожал плечами:

— Хорошо. У вас есть место?

— Ну...— Миша подумал:— Скажем, «Валдай». На Новом Арбате. Часа в два. Как?

— Я правильно понял — вы будете мне что-то показывать?

— Правильно.

— Тогда «Валдай» не подойдет. Слишком людно. Вы знаете кафе «У Маргариты» на Кропоткинской?

Миша колебался. Помедлив, Гурген тронул его за плечо:

— Коля, чего вы боитесь? Во-первых, я буду один. Во-вторых, насколько я понимаю, вы вооружены. Или я ошибся?

— Нет, Гурген, вы не ошиблись. Хорошо, давайте у этой Маргариты.

— Значит, в два на Кропоткинской в кафе «У Маргариты». Найти это кафе просто, его там все знают. До завтра?

— До завтра.

Сдав заполненные бланки и получив ключи, Миша вместе с Лукой поднялись на одиннадцатый этаж. Номер люкс оказался действительно очень приличным: трехкомнатный, с двумя ваннами и большой прихожей. Теперь начиналось главное: надо было дать знать Фарту, где они остановились, и ждать от него известий. Фарт позвонил через два часа. Сняв трубку, Миша услышал далекий его голос:

— Мишаня, только что Ленка звонила домой. Из Ялты.

— Ну и что? — Миша ощутил комок, застрявший в горле. Он не верил своим ушам.

— Ничего. У них все в порядке, плывут.

— Да?

— Да. Тут такое дело...— Фарт замолчал, и Миша, не выдержав, спросил:

— Какое?

— Да... Ленка вроде послала нам подарок.

— Подарок?

— Да, передачу. Из Ялты. С одним знакомым. Просек?

— Какой подарок? — лишь сейчас Миша сообразил, что имеет в виду Фарт. Ведь если Ленка послала подарок родителям, то же самое вполне могла сделать и Вика.— Что за подарок?

— Да вроде она там что-то в буфете купила, на шипе. Ну там, сам понимаешь, кофе, конфеты, сигареты для отца фирмовые.

«Черт,— подумал Миша,— как же я сам об этом не догадался раньше. Ведь вся Одесса знает, что буфеты на круизных пассажирских судах сбывают оставшийся после заграники дефицит. Вот она, байка. Именно та байка, которой нам так не хватало. В самую жилу».

— А насчет Вики? — спросил Миша.

— Что насчет Вики?

— Ну... они ничего не говорили?

— Ничего. Но думаю, что и она могла что-нибудь послать. Не мне тебя учить.

Фарт все быстро понял, и с байкой наконец было решено.

— Ладно, Саня. Если что новое узнаешь, звони.

— Обязательно.

Положив трубку, Миша встретил настороженный взгляд Луки.

— Фарт? — наконец спросил он.

— Да. Ленка сегодня послала своим родителям подарок. С шипа.

— Ну и что?

— Думай головой. Ведь Вика могла бы сделать то же самое.

Лука погасил сигарету. Подумав, сказал:

— Считаешь, мы можем нести бабуле подарок от внучки?

— Конечно.

— А если она ничего не посылала?

— Еще неизвестно, что лучше: посылала она или не посылала.

— Это еще почему?

— Если она посылала, могла описать человека, которому передала вещи. Правда, и в этом случае можно выпутаться. Сказать, что этот человек передал посылку нам.

— Д-да...— Лука помолчал.— Значит, надо подготовить посылку. Как ты думаешь, что она могла послать?

— Делать ничего не нужно. Возьмем коробку, положим туда что угодно, перевяжем. И все. При нас смотреть бабушка, надеюсь, не будет. Она человек воспитанный.

— Думаешь?

— Уверен. Насколько я знаю, она бывшая оперная певица, то есть дама интеллигентная. А если и захочет посмотреть, то не успеет...— Миша поиграл желваками. Обговаривая налет, они с Лукой решили: мочить бабку они не станут. Придут в «декоре», оглушат, может быть, свяжут, возьмут алмазы и смоются. Но сейчас, представив на миг, как они попадут в эту квартиру и останутся с глазу на глаз со старушкой, Миша подумал: черт, ведь мало ли что там может получиться... Особенно если Любовь Алексеевна начнет проверять посылку. Впрочем, кончать бабку они все равно не будут, что бы ни случилось. Иначе, если их заметут, они несомненно получают вышку. Подумав об этом, Миша заключил:

— Да, если все же полезет смотреть подарки, придется поставить ей заглушку на время. Но только на время.

— Чего тут не понять? — Лука встал. — Ну, давай искать коробку.

Оставив такси на Кутузовском, они подошли к дому на Бережковской набережной уже в «декоре»: Миша — в темном парике и таких же усах, Лука — с фальшивой бородкой. С собой они взяли лишь наполненную пустыми бутылками и тряпьем коробку из-под обуви. Коробка эта, перевязанная шпагатом, вполне могла сойти за посылку, посланную бабушке заботливой внучкой. Все остальное, что в принципе могло бы им пригодиться, а именно: пистолеты, ножи и кастеты, они решили оставить в «Космосе». Ведь если им удастся войти в квартиру, они в любом случае обойдутся без пистолетов и других инструментов. Если же им не повезет и их заметут раньше времени просто из-за того, что бабка поднимет шум на лестничной площадке, милиция, найдя кастеты и огнестрельное оружие, может впасть им срок за одно это.

Остановившись у телефона-автомата, Миша посмотрел на знакомое окно. Створки раскрыты, значит, хозяйка дома. Что ж, пока все как будто складывается. Да и время в самый раз, полпервого.

Лука вытащил сигареты, спросил, закурив:

— О чем думаешь?

— О том, что хорошо бы старуха позвала нас двоих.

— Ясное дело. А если не позовет?

— Если не позовет, я пойду один, а ты стой у второго подъезда.

— Понял. Буду стоять. Давай поддержи коробку.

— Держи.— Передав ему коробку, Миша опустил монету. Прислушался к себе. Он знал: сейчас, именно в этот момент, он должен быть абсолютно спокоен. Если его сейчас выдаст голос, старуха сразу же все поймет. И алмазы певицы уплывут от него навсегда.

Набрав номер, Миша прислушался. Гудок, еще гудок. Наконец в трубке шелкнуло. Голос, явно принадлежавший старой женщине, сказал:

— Алло?

— Простите, можно попросить Любовь Алексеевну? — кажется, он сказал это спокойно.

— Я слушаю.

— Здравствуйте, Любовь Алексеевна. Это говорит знакомый Вики. Она просила передать вам посылку.

— Да, да, слушаю вас... Вы говорите, посылку?

— Да, из Ялты. Мы с ней вместе плыли на теплоходе «Украина». Но потом сошли. Она кое-что купила для вас, собрала посылку, ну мы ее и привезли.— Повторив все это про себя еще раз, Миша прикинул: был ли прокол? Нет, кажется, не было. Это подтвердил голос, сказавший после некоторой паузы весьма дружелюбно:

— Очень любезно с вашей стороны. Простите, как вас зовут?

— Саша.

— Саша, вы москвич?

— Нет, мы с другом здесь проездом. Сегодня уезжаем.

— Сегодня... А когда бы вы могли передать мне посылку?

— Мы сейчас около вашего дома.

— Ах, даже так, около дома... Хорошо, Саша, поднимайтесь. Вероника дала вам адрес?

— Да. Бережковская набережная, дом... квартира... второй подъезд, третий этаж. Правильно?

— Правильно. Код двести пять. Только вот не знаю, может, вы подниметесь один? А ваш друг подождет?

— Как скажете, Любовь Алексеевна.

— У меня не очень убрано, вы уж извинитесь перед ним, ладно?

— Хорошо. Тогда я сейчас поднимаюсь?

— Поднимайтесь.

Повесив трубку, Миша посмотрел на Луку. Тот спросил:

— Ну что?

- Плохо.
— Почему?
— Позвала, но говорит, чтоб я поднялся один.
— Бойтся? — Лука несколько раз быстро затянулся сигаретой. — Может, просекла?
— Не знаю. Вообще-то непохоже.
— Д-да... — Лука облизал губы. — Ты не понял, она как — одна в квартире?
— Не знаю. Сказала, у нее не убрано, а там пойдй пойми.
— Ну что? — Лука посмотрел в упор. — Пойдешь?
— Пойду, что спрашивать. А ты стой, где договорились.

— Хорошо.

Взяв коробку, Миша двинулся к подъезду. Войдя в тамбур, набрал код, затем, поднявшись на лифте на третий этаж, нажал кнопку дверного звонка. Почти тут же дверной глазок потемнел. Еще через секунду дверь открылась.

В проеме стояла женщина со следами былой красоты, которую Миша при всем желании не мог бы назвать старухой. Она была одета в роскошный атласный халат, держалась прямо. От нее исходил запах хороших духов. Но, взглядевшись в ее породистое холеное лицо, он все же понял: хозяйке квартиры далеко за семьдесят.

Увидев Мишу, она приветливо улыбнулась.

— Саша?

— Да, это я. Вот посылка для вас.

— Да входите же, входите, не стесняйтесь. Посылку поставьте... Ну хотя бы вот сюда, на тумбочку.

Поставив посылку, Миша услышал за спиной щелчок дверного замка. Проскользнув мимо, Любовь Алексеевна сказала с улыбкой:

— Саша, я хочу предложить вам чаю.

— Чаю? — наверняка выпить с ней чаю было лучшим, на что он сейчас мог рассчитывать.

— Да, чаю, вы ведь с дороги. Надеюсь, вы не откажетесь?

— Не знаю даже. — Миша изобразил колебание: — У меня ведь... внизу друг.

— Ах, да, вы же с другом. Я и забыла.

— Может, я спущусь и предупрежу? Он подождет.

— Зачем же? Не нужно никого предупреждать. Зовите и его сюда.

— А это удобно?

— Вполне. В квартире я немного прибрала, чай готов. Зовите, зовите, а я пока накрою на стол.

Выйдя из квартиры и спустившись по лестнице, Миша выглянул из подъезда. Лука стоял в двух шагах от двери. Увидев его, спросил:

— Впустила?

— Впустила. Зовет нас выпить чаю. Пошли.

Уже в лифте Миша пояснил:

— В квартире кто-то должен оказаться у нее сзади. И шарахнуть чем-нибудь тяжелым. Тянуть не нужно, понял? И не забудь, тебя зовут Антоном.

— Не забуду.

Как только Любовь Алексеевна открыла дверь, Миша облегченно вздохнул: коробка в целости и сохранности стояла там же, на тумбочке. С порога представил Луку:

— Любовь Алексеевна, это Антон. мой друг.

— Очень приятно. Проходите вот сюда, в столовую. Чай готов.

В столовой Миша сразу же оценил обстановку. По одной этой комнате было ясно: квартира богатейшая. Сервант и горка заставлены фарфором и столовым серебром, на стенах висят две большие картины в золоченых рамах, повсюду видны мелочи вроде серебряных фигурок и филигранной эмали. «Да,— подумал Миша,— есть, что взять, здесь хватает и без алмазов».

На накрытом крахмальной скатертью столе стоял серебряный поднос с бутербродами и печеньем, тонкие фарфоровые чашки. Любовь Алексеевна поставила на стол чайник:

— Мальчики, берите хлеб, масло, делайте бутерброды. Давайте чашки, я налью чаю. И расскажите, как там мои.

Через какое-то время Миша понял: чем дольше они будут сидеть вот так, попивая чай и отвечая на вопросы Любви Алексеевны о Вике и ее дочке, тем труднее им будет начать. Миша понял это по Луке, успевшему за это время дважды толкнуть его под столом ногой.

Наконец, решившись, Миша отодвинул чашку:

— Любовь Алексеевна, я хотел бы ненадолго выйти. Можно?

— Да, да, Саша, конечно. То, что вам нужно, находится около кухни. Думаю, вы найдете.

— Прошу прощения.— Выйдя из-за стола, Миша

прошел на кухню. Здесь он постарался поскорей найти небольшой тяжелый предмет и, в конце концов выбрав щипцы для колки орехов, зажал их в правой руке. Поставил немного, примерился — и, войдя в столовую, без раздумий, сразу же ударил старую женщину по виску. В удар он вложил всю свою силу, но тем не менее Любовь Алексеевна не потеряла сознание, а начала поворачиваться к нему, схватившись за висок. Повернуться до конца она не успела: Лука, перегнувшись, схватил сахарницу и ударил ее в висок с другой стороны. От движения Луки на пол полетела посуда, но Миша этого уже не замечал. Опомнился он, лишь когда стало ясно: хозяйка квартиры или мертва, или в глубоком обмороке.

Некоторое время оба стояли, тяжело дыша. Из столбняка их вывел шум мягко сползшего на пол тела.

«Что же мы сделали, дураки? — вдруг подумал Миша. — Мы ее кокнули! Точно, кокнули».

Не сговариваясь, оба отошли к окну, чтобы не видеть тела. Миша все еще не мог прийти в себя; Лука, судя по его виду, тоже был в транс. Наконец, Лука сказал:

— Давай посмотрим, что с ней.

— Давай, — Миша удивился, услышав, что он внезапно охрип. Присев над телом, понял: хозяйка мертва.

Убедившись в этом, они пошли в ванную и вымыли руки. Затем Лука предложил:

— Может, завернем ее в ковер? А то смотреть на нее... не очень.

— Давай, — согласился Миша.

Только они закатали тело в ковер и отодвинули сверток к стене, как раздался телефонный звонок. Подождав, пока трели стихнут, Лука сказал:

— Давай-ка отсюда быстрее сматываться. Вдруг кто-то придет?

— Как придет, так и уйдет. Начинаем искать. Мы пришли за камнями.

Разбив квартиру на квадраты, они методично начали искать места, где могли храниться алмазы. Проверяли, просматривали и простукивали все, ничего не пропуская, от шкафов и сервантов до антресолей и стен. По очереди, не спеша, они осмотрели дальние углы, взломали замки у шкапулок и отделений сервантов, перерыли белье и одежду, вскрыли два зазора в стене. В некоторых подозрительных местах отковыряли филенку от мебели. Всем этим шмоном они занимались около двух

часов, но никаких следов алмазов певички так и не нашли.

К концу второго часа Лука подумал: похоже, найти эти проклятые алмазы им так и не удастся. Именно с этой мыслью он прошел в спальню, где увидел продолжавшего поиск алмазов Мишу. Он сидел на полу, обложенный сорванными с вешалки платьями, халатами и прочими предметами дамского туалета. Снова, в который уже раз, зазвонил телефон, и Лука подумал: если допустить, что знакомые хозяйки квартиры встревожатся и обратятся в милицию, их с Мишей не спасет уже ничто.

Будто угадав его мысли, Миша мотнул головой:

— Уходим. Берем, что есть, и сваливаем.

— А алмазы?

— А пошли они...— Сказав это,— Миша отвернулся. На какое-то мгновение Луке показалось, что в его голосе прозвучала фальшь. Мелькнуло: может, Миша нашел алмазы и спрятал, но тут же, отбросил эту мысль, сказал:

— Ладно, Мишань, берем, что есть. Иначе сгорим.

— Давай решим, что брать.

— А что решать? Найдем у нее сумки и сложим, что есть.

— Сумок мы брать не будем, все рассуем по карманам,— поймав настороженный взгляд Луки, Миша сказал: — Мы должны выйти, как есть, без сумок, и обязательно по одному. Если нас засекут с сумками, это привлечет внимание. И нас кто-нибудь срисует. Не спасет и декор.

— Жаль. Товара здесь хватает.

— Самому жаль. Но для дела надо свалить без шухера. Так что давай сначала сотрем пальцы и спрячем, что есть, по карманам. Доставай платок.

Миша отлично понял, что означал настороженный взгляд Луки. Но этот взгляд его несколько не смутил. Да, он сделал с алмазами то, что хотел, и не раскаивается. Ясно, когда-нибудь, когда придет время, он Луке все объяснит. Когда-нибудь, но не сейчас.

Вытащив носовые платки, они тщательно протерли все поверхности, на которых могли остаться следы их пальцев. Затем, сложив найденное в квартире на одном из столов, бегло просмотрели добычу. На взгляд Миши, самым ценным из найденного были пасхальные яйца, образки, крестики и другие поделки с клеймами Фаберже. Всего таких предметов набралось около тридцати.

Были здесь также и золотые украшения. Рассовали все по карманам, остальное из-за громоздкости решили оставить.

Подойдя к входной двери, Миша понял: на лестничной площадке пока никого нет. Кивнул Луке: идем.

Выйдя из квартиры и захлопнув за собой дверь, они прислушались. В лестничных пролетах было тихо. Пригнувшись к уху Луки, Миша произнес одними губами:

— Жми к вокзалу. Встречаемся у пригородных касс. Пошел.

Лука двинулся вниз по лестнице. Довольно скоро Миша услышал хлопки выходных дверей: сначала первой, потом второй. Тут же кто-то с верхнего этажа вызвал лифт. Дождавшись, пока кабина проползет мимо, Миша не спеша пошел вниз. У дверей никого не было. Открыв их, Миша сразу же повернул направо, в сторону вокзала. Этот участок набережной по прошлому приезду он знал неплохо. Пройдя немного вдоль дома, перешел проезжую часть и остановился прямо у троллейбусной остановки. Примерно через минуту подошел троллейбус. Войдя в полупустой салон, Миша вздохнул с облегчением.

Следующей остановкой был Киевский вокзал. Выйдя из троллейбуса, Миша сразу же увидел Луку. Он прохаживался около пригородных автоматов. Подойдя, спросил:

— Как у тебя?

— У меня тихо. А у тебя?

— У меня тоже. Пошли.

Минут через десять, взяв такси, они приехали в «Космос». В номере у них была припасена бутылка. И Миша сразу же выпил почти половину. После этого ему стало немного легче. Посмотрел на Луку:

— Что, приглашать девчонок?

— Давай.

Миша набрал номер. С Галей, двадцатилетней голубоглазой брюнеткой, и ее подругой Лизой, блондинкой с такими же, как у Гали, стройными ножками и потрясной фигурой, они с Лукой познакомились прошлым летом в Одессе. Обе девушки учились на третьем курсе в театральном институте и жили в общежитии.

— Алло? — услышал он Галин голос.

— Галюш, привет. Это я. Узнала?

— Еще бы. Привет, Миша. Давно приехал?

— Только что. Только не приехал, а приехали. С Лукой. Мы за вами заедем? Прямо сейчас?

— Ну...— Галя помолчала.— Давайте. Вы на машине?

— Нет, возьмем такси.

— Понятно. А куда потом?

— В «Космос». Мы здесь остановились.

— Да? Очень мило. Хорошо, заезжайте. Мы ждем.

Выйдя, они взяли такси и, забрав Галю и Лизу, вернулись в «Космос». Предоставив девушкам возможность навести последний лоск, спустились в ресторан. Лиза выглядела прекрасно, про Галю и говорить нечего. Наверное, поэтому, когда они вчетвером прошли к своему столику, многие в ресторане проводили их оценивающими завистливыми взглядами.

Усевшись за столик, на котором стоял оговоренный заранее букет роз, Миша шутливо нахмурился:

— Ну что? Мы рады видеть всех в сборе. Как настроение?

Пригнувшись к розам, Галя еле заметно втянула в себя их аромат.

— Настроение прекрасное. А запах просто чудесный. Мишенька, у вас что, какое-нибудь событие?

— Конечно. Мы встретились, разве это не событие?

Выпив и поставив бокал, Миша сказал:

— Вообще мне хочется, чтобы у нас было весело.

— Непременно будет,— улыбнулась Галя.

Где-то в середине вечера, в разгар танцев, Лука сделал Мише знак: выйдем. В холле Миша спросил:

— Что случилось?

— Рыжье у тебя с собой?

— Рыжье? — оглядев Луку, Миша пожал плечами.—

Конечно. Не в номере же оставлять. А что?

— Ничего. Там вроде есть женские перстни?

— Есть. А почему ты спрашиваешь?

— Ну... мне нужен перстень. Один. В долг. Мне Лиза понравилась...

— Хочешь подарить ей перстень?

— Хочу.— Лука смотрел на него, поигрывая желваками.

Помедлив, Миша сжал его лицо ладонями. Притянул к себе:

— Окстись. Какие между нами долги? — отпустив

его лицо, шутливо толкнул в бок: — А идея прекрасная! Давай зайдем в дабл, посмотрим, что у нас есть.

Зайдя вместе с Лукой в одну из кабинок в туалете, Миша выгреб из кармана золото. Отобрал женские перстни, остальное спрятал. Всего перстней оказалось одиннадцать. Миша кивнул:

— Выбирай. Только учти, вот этот, с большим рубином, уже выбран.

Постояв, Лука выбрал один из перстней с бриллиантом.

— Вот этот, узорный, можно?

— Мне без разницы. Этот так этот.

Вернувшись к столу, Лука вскоре пригласил Лизу танцевать. Танцевали они довольно долго. После танца, сев на свое место, Лиза молча положила перед Галей левую руку. Изучив вспыхивающий искрами старинный узорный перстень, Галя покачала головой:

— Вот это да. Откуда?

— Лука подарил.

— Потрясающе!

Лука молча усмехнулся. А Миша произнес торжественно:

— Я тоже умею потрясать, Галя.

— Интересно, чем?

Незаметно достав перстень, Миша протянул Гале зажатый кулак.

— Вот этим.

— А что здесь?

Миша разжал кулак, показав перстень с рубином. Взяв Галину руку, надел на безымянный палец. Девушка шутливо подняла глаза к потолку:

— Ребята, вы нас просто убиваете. Умереть можно.— Изучив перстень, вздохнула.— Мишенька, я правильно поняла: это твой подарок?

— Да, это мой подарок.

— Ты даже не представляешь, как это красиво. Так ведь?

— Не знаю. Но я рад, что тебе понравилось.

Галя поцеловала Мишу в щеку, и они пошли танцевать.

После ресторана все четверо поднялись в номер. Парочки разошлись по комнатам, и вскоре выяснилось, что девушки без особых объяснений останутся здесь ночевать.

На следующий день Миша и Лука вошли в кафе «У Маргариты» примерно без десяти два. Гурген не обманул в этот час посетителей здесь почти не было, сидела лишь обедающая пожилая пара и девушка с чашкой кофе. Не было также никаких признаков засады — ни снаружи, ни внутри. Тем не менее Миша на всякий случай предложил занять отдельный кабинет.

Гурген появился ровно в два. В руке у него был большой черный кейс. Войдя в кабинет, улыбнулся:

— Доброе утро, ребята!

Поставив кейс на пол, поинтересовался:

— Давно сидите?

— Только пришли,— сказал Миша.

— Пока ничего не заказывали?

— Нет. Да к нам никто и не подходил.

— Тогда нужно заказать, чтобы потом не беспокоили. Спиртного здесь нет, так что лучше всего взять кофе. Как?

— Кофе так кофе,— согласился Миша.

Увидев появившегося официанта, Гурген бросил:

— Гриша, принеси нам кофейничек. И не беспокой больше, хорошо?

После того как официант, поставив на стол три чашки и кофейник, исчез, Гурген не спеша разлил всем кофе. Пригубив из своей чашки, поднял глаза:

— Ну что, начнем разговор?

— Пойду встану на атас,— сказав это, Лука ушел.

Миша, не спеша достав из кармана полиэтиленовый пакет, высыпал на стол все золото. Изучив лежащие на столе около двадцати мужских и женских перстней и колец, а также цепочки, кулоны и несколько пар серег, Гурген поцокал языком:

— В общем впечатляет. Но все это нужно посмотреть.

— Смотрите. Но при этом, Гурген, учтите: все это я показываю вам для затравки.

— Вот как?

— Да.

Достав пачку Мальборо, Гурген прикурил, не отрывая глаз от Миши. Сказал, затянувшись:

— Что же тогда будет не для затравки?

— Не для затравки мне нужна ваша помощь.

— Моя помощь?

— Да. Для выхода за бугор.

Стряхнув пепел, Гурген покачал головой:

— Это для меня новость.

— Теперь не новость. И хочу пояснить: я имею в виду не перевозку и не технику. За бугор мы можем вывезти любые цацки. Легко.

— Тогда — что нужно от меня?

— Мы просим подобрать нам клиента. Надежного. Естественно, фирмача.

С полминуты Гурген курил, разглядывая пачку «Мальборо». Наконец, цокнул языком:

— Не знаю даже, что вам сказать. Найти такого клиента не так просто.

— Я не говорю, что просто. Подумайте. Сразу же оговорим условия: за услугу я вам отстегиваю десять процентов.

— Десять процентов...— Гурген вздохнул.— Смотря от чего будут эти десять процентов.

— Эти десять процентов будут от камня. От алмаза в тридцать карат.

— Ого.— Гурген испытующе посмотрел на Мишу.— Серьезно, в тридцать карат?

— Seriously.

— И что...— Щелкнув зажигалкой и выбив язычок пламени, Гурген тут же его погасил.— Этот камень сейчас с вами?

— Это неважно. Важно, что он есть.

Сигарета догорела почти до ободка, и Гурген положил ее в пепельницу.

— Ну что ж. Можно подумать.

— Подумайте.

— Я все правильно понял: вы мне даете десять процентов от тридцати карат?

— Именно.

— Ясно.— Сделав несколько глотков, Гурген поставил чашку.— Хорошо, в этом смысле я вас понял. Ну а... цацки?

— Что «цацки»?

— Вы собираетесь мне их сдавать?

— Собираюсь.

— Тогда выкладывайте.

Вытащив из кармана лупу-монокль, Гурген вставил ее в правый глаз. Начал внимательно рассматривать вещи. Одновременно он складывал их одна к одной, в отдельные кучки. Наконец, когда двадцать колец, шесть

цепочек, два кулона и три пары серег оказались рассортированными, взял стоящий у ног кейс. Положив кейс на стол, открыл. Краем глаза Миша заметил сложенные в кейсе пачки крупных купюр. Не обращая внимания на его взгляд, Гурген достал из кейса микронные весы, пробирную доску, ящичек с кислотами и, наконец, прибор, напоминающий микроскоп. Начал методично, одну за одной, проверять вещи. Наконец, после того как последнее изделие было взвешено, опробовано на доске и испытано кислотой, Гурген придвинул к прибору вещи, в которых были драгоценные камни.

— Что за прибор? — спросил Миша.

— Спектроскоп. Для проверки драгоценных камней. Изучив последний камень, Гурген спрятал в карман моноколь. Уложив в кейс приборы, улыбнулся:

— Что ж, вы меня радуете. Фуфла здесь нет.

— Раз нет, будем говорить?

— Хорошо, будем. — Гурген потер лоб. — Значит так, за все это я готов выложить вам прямо сейчас три лимона.

Названная сумма была выше той, на которую рассчитывал Миша. Тем не менее он скорчил кислую мину.

— Гурген... Вы же опытный человек. Посмотрите: тут одни камни стоят лимонов пять.

Гурген покачал головой.

— Может, и стоят. Но вы попробуйте их сдать.

Миша ничего не ответил.

— Молчите, — сказал Гурген, — правильно делаете. Я согласен: если сдавать их штучно, за цацки, можно взять раза в два, а то и в три больше. Но, во-первых, это не так легко сделать. Во-вторых, я не хочу вас обижать, но все эти вещи явно где-то взяты. Приобретая их, я рискую. И должен что-то получить за риск.

— Должны. И все равно: три лимона мало.

— Вы торгуетесь просто как цыган. Сколько вы хотите?

— Хотя бы шесть.

— Шесть не дам. Из уважения к вам могу дать четыре. Но это мое последнее слово.

— Последнее?

— Последнее. Да — да, нет — нет.

— Хорошо... — Миша посмотрел на Гургена. — Хорошо, Гурген, да.

Гурген усмехнулся:

— Вы чем-то недовольны?

— Да нет. Просто жалко расставаться с рыжьем.

— Это другое дело. Но поверьте: цена, которую я даю, абсолютна реальна. Без всяких скидок. За взятые вещи вам нигде больше трети не дадут.

— Наверное. Ладно, Гурген. Производим обмен.

— Давайте.

— Открыв кейс, Гурген достал несколько пачек пятисотрублевых и двухсотрублевых — все в банковской оклейке. Придвинул к Мише:

— Считайте.

Пересчитав пачки, Миша сложил брикеты в сумку. Закрыв молнию.

— Все в норме. Можно забирать цацки.

Достав из кейса плоскую шкатулку, дно которой было устлано ватой, Гурген сложил туда золото. Положив шкатулку в кейс, щелкнул замками. Посмотрел на Мишу.

— Делаю это только для вас.

— Делаете что?

— Но десять процентов при этом остаются, запомните?

— Запомню.

Сунув руку в карман, Гурген вытащил бумажник. Найдя то, что ему было нужно, протянул:

— Вот, возьмите. Это визитная карточка. Спрячьте, потом поговорим. Это визитная карточка моего друга, Юсифа Самед-оглу.

Спрятав визитку в карман, Миша спросил:

— Он турок? Если он Юсиф Самед-оглу.

— Теперь да. Но раньше жил у нас. Эмигрировал, так сказать. Прекрасно говорит по-русски. В этом смысле проблем у вас с ним не будет. В Стамбуле он-большой человек. Очень большой.

— Вы хотите сказать, я могу к нему обратиться?

— Точно. Вы можете обратиться к нему по поводу вашего камня.

«Интересно, — подумал Миша, — ведь там же, в Стамбуле, живет и Фимин клиент. Разница только в том, что Фиминому клиенту я могу верить, потому что за него ручается Фима. А вот могу ли я верить человеку, карточку которого мне дал Гурген, неизвестно».

Обдумав все это, Миша спросил:

— Если я решу к нему обратиться, что я должен ему сказать?

— Скажите, что вы от меня. Кроме того, я ему сообщу о вас все, что надо. Опишу внешность, скажу, что имел с вами дело, ну и остальное. И запомните: этот человек в Стамбуле может все. Если вы предложите ему тот самый камень, сказав при этом, что вы от меня, он даст цену. Хорошую цену. И главное, он вас не кинет. Ручаюсь.

— Да? — Миша помолчал. — Это и есть гарантия?

— Это и есть. — Гурген усмехнулся. — Запомните: я словами не бросаюсь. И еще одно запомните: я рассчитываю на десять процентов.

— Хорошо, запомню. — На самом же деле Миша, если и поверил Гургену, то не больше, чем на те же десять процентов. «Большой человек в Стамбуле» был для него полной загадкой.

Миша прибавил газ, и катер «Освода», задрав нос, легко полетел вдоль линии пляжей. Скорость была высокой, за кормой сразу вздыбился крутой белый бурун. Оглянувшись на сидящего сзади Фиму, стянул с себя майку. Теперь он сидел на шкиперском сиденье лишь в плавках и бейсбольной шапочке. Посмотрел на часы и, несмотря на сильный встречный ветер, выжал из мощного мотора все, что мог. Солнце палило вовсю, море было теплым — в Одессе наступил самый пик сезона. Проплывающие мимо пляжи были забиты отдыхающими. Люди лежали на песке буквально один к одному.

Выйдя к линии элитных интуристовских пансионатов, Миша понял, что успеваает к сроку, и резко сбавил ход. Пройдя на малой скорости мимо пляжей, которые после общегородских лежбищ казались пустыми, он наконец вывел катер на траверс выстроенного в современном стиле пансионата «Эллада». Обернувшись, посмотрел на Фиму:

— Здесь?

— Здесь, — подтвердил тот.

Фима Лернер, известный одесский ювелир, был Мишиным другом. Фиме Миша верил, как себе. Он вгляделся в берег с редкими разбросанными по песку загорающими. На пирсе же с прогулочными лодками и водными велосипедами вообще никого не было.

Рисунки В. РОДИНА.

- Как, ты говоришь, его зовут? — спросил Миша.
— Масуд. Фамилия — Масудов. Сейчас, естественно, он Масуд-оглу.
— Азербайджанец?
— Азербайджанец. Точнее — талыш.
— Ты уверен, он не кинет?
— Уверен. Я с ним имею дело уже лет десять. Да и он ведь не последнее дело со мной проворачивает. К тому же, кажется, он уже открыл валютный счет на твое имя.

— Валютный счет на мое имя?

— Ну да. Я же говорю, он серьезный человек. Грозился захватить сегодня с собой кредитную карточку, чтобы дать тебе. Плюс десять штук зеленых, как уговаривались, наличманом.

— Ладно, — вздохнув, Миша еще раз оглядел пляж, — может, он загорает где-нибудь здесь?

— Вряд ли. Подожди, Мишань, сейчас появится. Он человек точный.

Тот, кого они ждали, появился на пляже минут через пять. Смуглый, невысокий, в белой кепочке, голубой майке, белых шортах, со спортивной сумкой через плечо, этот человек вышел из дверей пансионата и сразу же направился к лодочной станции. Затем, пройдя в самый конец пирса, остановился. Увидев катер и Фиму, поднял руку.

— Он? — спросил Миша.

— Да, — подтвердил Фима. — Подчаливасм.

Дав газ, Миша развернулся и тут же выключил мотор. Дождавшись, когда катер мягко ткнется бортом в доски, человек, взяв протянутую Фимой руку, спрыгнул вниз. Усевшись рядом с Фимой, улыбнулся:

— Добрый день. Меня зовут Масуд.

— Меня Миша. Очень приятно.— Решив на этом ограничить пока ритуал знакомства, Миша тут же дал газ. Мотор взревел. Из-за лобового стекла, закручиваясь, ударил ветер, навстречу полетело штилевое море. Пока они выходили за линию пляжей, к пустынным береговым скалам, Миша обдумывал первое впечатление. Вроде бы все в этом Масуде соответствует фиминой информации. Сообщил же о нем Фима как раз то, что делает Масуда идеальным покупателем алмаза — первого, который Миша решил сбить на стороне. Эмигрировав в Турцию лет пятнадцать назад, Масуд обосновался в Стамбуле и смог в конце концов занять в этом городе довольно высокое положение. В Турции известен как миллионер, покровитель искусств и владелец собственной художественной галереи. А раз известен, значит, вряд ли пойдет на скандал с алмазом. Кроме того, Фима ведет с ним дела, а это ведь тоже что-то значит. Так что очень даже может быть, что Фима в выборе не ошибся. Этот человек с мягкой улыбкой и коллекцией перстней на пальцах, каждый из которых стоит целое состояние, — как раз тот, кто ему нужен.

Если же Фима не трепанулся и этот Масуд в самом деле уже открыл счет на его имя, вообще говорить не о чем.

Минут через пятнадцать песчаную береговую полосу сменили камни. Тем не менее для верности Миша еще минут пять вел катер на полной скорости. В дрейф он лег, лишь войдя в абсолютно пустынную зону. Над морем здесь нависали отвесные скалы, над которыми с криком метались чайки и бакланы.

Обернувшись, Миша посмотрел на Масуда:

— Все, приплыли. Здесь точно никого нет. Так что можем поговорить.

Масуд улыбнулся:

— Отлично. Может быть, сразу покажете камень?

— Ради Бога. — Достав из кармана заранее приготовленный алмаз, самый маленький из шести, завернутый в байковую тряпочку, Миша протянул его Масуду: — Смотрите.

Развернув тряпочку и увидев сверкнувший на солнце алмаз, Масуд цокнул языком. Затем, застыв и нахмурившись, целиком ушел в изучение.

Наконец, снова завернув камень, протянул его Мише:

— Спасибо. Так вроде бы все в порядке. И все же я хотел бы проверить его приборами. Приборы у меня с собой.

— Так проверяйте.

— На катере нельзя. Надо подплыть к берегу. Приборы слишком чувствительны.

Дав малый ход, Миша в конце концов подвел катер к выступающему из-под воды пятачку. После того, как они втроем вышли на берег, Масуд достал из сумки приборы, напоминающие электронные весы и спектроскоп. Поставив приборы на большой валун, занялся измерениями алмаза. Наконец, закончив, спрятал приборы в сумку. На валуне теперь остался только алмаз, лежащий на разложенной байке.

— Ну что? — спросил Миша.

— Все в порядке. Алмаз чистой воды. Восемнадцать и семь десятых карат. Я его беру.

— Очень хорошо.

— Расчет, как мне сказал Фима?

— Да. Десять тысяч долларов вы даете мне сейчас. На остальные девяносто тысяч долларов открываете

валютный счет на мое имя в одном из стамбульских банков.

— Все правильно.— Масуд открыл сумку. Достав небольшую кожаную книжечку, протянул Мише.— Держите. Это ваша кредитная карточка. Теперь на вашем счету ровно девять тысяч долларов.

— Да? — Миша взял книжечку. Вытащив из обложки пластмассовый прямоугольник, повертел его. — Что, я могу ею пользоваться уже сейчас?

— Конечно. Правда, здесь, в Одессе, где нет отделений банка, по этой карточке вы, согласно общим правилам, сможете получать или делать траты не более чем на триста долларов в неделю. Но как только вы окажетесь в Стамбуле, вам стоит только явиться в центральный оффис «Туркей-бэнк» — и вы, по желанию, можете получить хоть всю сумму. Десять же тысяч, как мы уговаривались, я дам вам сейчас.

Завернув алмаз и спрятав его в карман, Масуд открыл сумку. Достав оклеенную крест-накрест бумажной лентой пачку столларовых купюр, протянул Мише:

— Считайте. Здесь ровно десять тысяч.

Пересчитав купюры, Миша убедился: счет верный. Перейдя в катер, спрятал деньги в лежащую под банкой¹ сумку. Затем, подождав, пока вслед за ним в катер переберутся Фима и Масуд, сказал:

— Масуд, Фима за вас поручился, поэтому я вам абсолютно доверяю. И все же я хотел бы получить от вас что-то вроде долговой расписки. Так, просто в виде сувенира.

— Пожалуйста.— Масуд достал визитную карточку.— На каком языке? На русском?

— На каком хотите. Вы ведь знаете, как пишутся долговые расписки?

— Вроде еще не забыл. А что я должен написать — конкретно?

— Напишите, что положили на мой счет столько-то в таком-то банке. Все.

Получив расписку, Миша спрятал ее и улыбнулся:

— Теперь все в порядке. Куда вас, Масуд? На то же место?

— Да.

¹ «Банка» (мор.) — сиденье на катере или шлюпке.

Столкнув катер с отмели в воду, Миша прыгнул на скиперское сиденье. Дал газ.

Через полчаса притормозив у лодочного пирса «Элады», подождал, пока Масуд перейдет на доски причала, и тут же направил катер в порт.

Сидя в кабинете директора гостиницы «Космос», следователь прокуратуры Центральной Московской префектуры Юрий Железняков, которому было поручено расследование по делу об убийстве и ограблении на Бережковской набережной, терпеливо ждал, когда оперуполномоченный милиции по гостинице Ивакин вернется в кабинет. Вчера он выяснил, что у иностранца Ильяса Т., на которого Железнякова вывели поиски, одна из путан «Интерконтинентала» видела одну из похищенных вещей. Давно зная, что Гурген, оценщик пункта скупки драгметаллов, связан неясными пока им отношениями с администратором «Космоса» Кондрашовой, помощники Железнякова Ченчин и Свиридов решили на всякий случай эту линию проверить. После короткого обсуждения было решено поручить проверку Ивакину. То, что беседа Ивакина с Кондрашовой длилась уже около двух часов, означало, по расчетам Ченчина и Свиридова, что Ивакин решил выполнить порученное ему задание на совесть.

Они не ошиблись. Вернувшись в кабинет, Ивакин сообщил Железнякову, что Кондрашова действительно оказывала Гургену различные услуги. В том числе и касающиеся устройства в «Космос» людей, о которых ее просил Гурген. Имена, паспортные данные и словесные портреты этих людей он, Ивакин, переписал в свой блокнот.

После изучения записей в блокноте Ивакина Ченчин и Свиридов убедились: за последний год в гостиницу «Космос» по рекомендации Гургена были устроены самые неожиданные люди. Переписав фамилии этих людей и подъехав в райпрокуратуру, они снова занялись сортировкой протезе Гургена, но уже вместе с Железняковым. Отбросив юных девушек, людей пенсионного возраста, а также еще несколько явно не подходящих кандидатур, все трое остановились в конце концов на пятерых молодых людях в возрасте до тридцати двух лет. После нескольких звонков в места проживания этих молодых людей выяснилось: двое из них, некто

Сухин Александр Александрович и Хубов Антон Викторович из Приморья, проживавшие в «Космосе» с 20-го июля этого года, то есть как раз перед происшествием на Бережковской набережной, вселились в гостиницу, воспользовавшись чужими паспортами. Один из этих паспортов, выписанный на имя Сухих, был к тому же еще и подделан. Владельцы документов в этом году никуда не выезжали. Немаловажной деталью было и то, что паспорта, которыми воспользовались молодые люди, были утеряны летом прошлого года в Одессе.

Это заставило Железнякова вспомнить о живущих в Одессе родственниках ближайшей подруги впучки убитой — Лены Фортушняк. Эти родственники уже прошли проверку, предпринятую одесским ГУВД, но проверка показала: родители Лены и муж Александр никуда из Одессы не выезжали. Ничего предосудительного в этот период не наблюдалось и в их поведении. Допросы родственников Викиной подруги, проведенные тогда же одесской милицией, также не дали повода для подозрений. И все же Одессой надо бы заняться плотнее. При этом особенно внимательно отнестись ко всему, что касается родственников Лены Фортушняк.

Войдя в кабинет директора гостиницы «Космос», администратор Кондрашова вопросительно посмотрела на сидящего у стола Ивакина. Перевела взгляд на разместившихся рядом Ченчина и Свиридова.

— Садитесь, Анна Павловна, — Ивакин подождал, пока Кондрашова, миловидная женщина возраста «чуть за тридцать», опустилась на стул, и продолжил: — У нас с вами недавно шел разговор о людях, поселившихся в гостинице по просьбе вашего знакомого Гургена. Среди этих людей есть два довольно молодых человека, которыми я и мои коллеги заинтересовались особо. Не сможете ли вы их вспомнить?

— Когда точно они въехали?

— 20-го июля. Разместились они, если верить документам, в номере люкс 1109 одиннадцатого этажа. Выехали третьего августа.

— Понятно, — Кондрашова задумалась. — Борис Петрович, я немного подумаю, хорошо?

— Конечно. Торопиться в таких случаях не стоит.

— Не стоит, это верно. — Кондрашова прикрыла глаза. — По-моему, один из них был повыше, другой

пониже. Да, да. Молодые ребята — один блондин, другой потемней.

— Если бы мы показали вам их фотографии, вы могли бы их узнать? — спросил Ченчин.

— Наверное.

— Тогда посмотрите. — Достав из большого конверта стопку фотографий знакомых, приятелей и друзей детства Александра Фортушняка, которые только что привез специально командированный в Одессу оперуполномоченный, Ченчин разложил их перед Кондрашовой: — Посмотрите внимательно. Не торопитесь. Может быть, кого-то узнаете.

Фотографий было много, около пятидесяти. Снимки, разложенные на столе, Кондрашова изучала долго. Наконец, отодвинула в сторону несколько фотографий. Поколебавшись, выбрала из этих нескольких два снимка.

— Вот. По-моему, это они. Очень похожи. Вообще память на лица у меня неплохая.

— Спасибо, Анна Павловна. — Подождав, пока Кондрашова выйдет, Ченчин перевернул оба снимка. На одном было написано: «Каменский М. А.», на втором — «Лукашов В. Н.».

Эти же фотографии были вскоре опознаны дежурной по этажу, горничной и официантом, которые обслуживали Каменского и Лукашова в ресторане.

В тот же день Железняков, позвонив в Одессу, попросил собрать о Каменском и Лукашове как можно более полные сведения.

День был солнечным. Выйдя из такси, Миша двинулся вместе с Галей, Лизой и Лукой к портовой таможне. Подумал: пока все для них складывается благоприятно. Загранпаспорта на всю четверку они оформили без особого труда, ценности спрятали в надежных тайниках на «Украине». Он же спрятал еще кое-что. Что касается мелких трат — он сейчас может расплачиваться за все по полученной от Масуда кредитной карточке. Но главное: у него есть то самое «кое-что», о чем знает только он. И место, где спрятано это «кое-что», тоже может найти только он. В этом-то и заключается весь секрет.

Подходя вместе с Мишей к турникету, Галя улыбалась. Он улыбнулся ей в ответ. Таможенную смену, ко-

торая вела досмотр, Миша на всякий случай, чтобы все прошло гладко, подкупил, так что никаких неожиданностей сейчас не боялся.

Миша следил, как таможенники наспех, небрежно проверяют вещи Луки, сумки Лизы и Гали. После того как таможенник, проверив его сумку, сказал: «следующий», — Миша вместе со всеми вышел на причал.

Поднявшись по парадному трапу на борт дизель-электрохода, они зашли в свои номера на пять минут, чтобы бросить сумки, а заодно убедиться, что это действительно люксы высшего класса.

Лука, плававший раньше на «Украине», знал здесь все. Поэтому предложил Мише, Гале и Лизе подняться в бар на верхнюю палубу, чтобы скоротать время до отхода.

В баре на палубе они провели около часа. Затем, после того как «Украина» под звуки браваурного марша отошла от причала, вместе со всеми подошли к борту, чтобы полюбоваться медленно тающей в солнечном мереве Одессой.

Серую «Волгу» и стоящего рядом майора Бойко в тенниске и джинсах Ченчин, Железняков и Свиридов увидели сразу, как только вышли на поданный к самолету трап.

Пожав всем троем руки и подождав, пока они сядут в машину, Бойко, устроившийся за рулем, дал полный газ. Затем, как только «Волга» вышла на ведущую к Одессе трассу, сообщил:

— Боюсь, Володя, мы все проморгали.

— В смысле? — отозвался Ченчин. — Что именно проморгали?

— То, что оба ваших подопечных, Михаил Каменский и Виктор Лукашов, уплывают сейчас в Европу. — Майор посмотрел на часы: — Да, точно. Ровно пять минут назад «Украина» отошла от причала.

— Не может быть!

— Увы, это так. «Украина» ушла в круиз вокруг Европы. Вместе с этими двумя симпатичными молодыми людьми.

— Но... что же ты мне не сообщил? — выдавил Ченчин.

— Каким образом? То, что у них билеты на «Украину», мы смогли выяснить только вчера ночью. Я звонил

тебе по всем твоим телефонам — ни один не ответил. В вашей дежурке сказали: ты улетел. Кстати, я поверил твоей телеграмме, что вы прилетите вчера. Так что эта «Волга» подъезжала сюда уже третий раз. Со вчерашнего вечера.

— Игорь, прости, так получилось. Сам знаешь, как сейчас с билетами.

— Знаю. Но теперь ничего не изменишь. «Украина» — тю-тю.

— Слушай, а они точно на ней?

— Точно. Ребята в порту сами видели, как они поднялись по трапу.

— Ч-черт...— Ченчин посмотрел на Железнякова.— Может, можно как-нибудь ее догнать, эту «Украину»?

— Как? — спросил Бойко.

— Ну... не знаю. На вертолете, например. Или на каком-нибудь катере.

— Вертолет отпадает, там нет посадочной площадки. На катере...— Бойко помолчал.— Думайте сами. Предприятие не из легких. Да и что у нас с вами есть, чтобы иметь право остановить круизный дизельэлектроход? Насколько я понял, парни всего лишь подозреваемые? Так ведь?

— Так,— потерянно отозвался Ченчин.

— Ну вот.

После этого они ехали, не проронив ни слова. Наконец, Бойко сказал:

— Ладно, Володь, что не сделаешь для друга. Попробую договориться с пограничниками.

— Спасибо,— сказал Ченчин.

— Пока не за что. Пассажирские суда, идущие на запад, первые два часа стараются держаться в виду берега. Если мы догоним их по-быстрому и пограничники придумают повод, может, и удастся поднять вас на борт.

Катер шел быстро, в лицо летели брызги, но Железняков не обращал на них внимания, вглядывался вперед. Пока тщетно: после того, как они вышли из порта, он в течение получаса так и не смог увидеть впереди ничего, кроме серо-зеленых волн.

С помощью Бойко ему удалось договориться с пограничниками и достать этот катер, который мчал его сейчас вслед за «Украиной». Как объяснил Железнякову

стоявший за штурвалом старшина-пограничник, катер, хоть и считается списанным, тем не менее имеет перед дизельэлектроходом солидное преимущество в скорости. Так что, по мнению пограничников, если им повезет и «Украина» не станет отклоняться от обычного курса, они вполне могут ее догнать. Пограничников сейчас на катере представляли старшина-штурвальный и стоявший рядом с ним старший лейтенант, следственную группу — Железняков.

Подняв бинокль, старший лейтенант смотрел вперед. Не выдержав, Железняков спросил:

— Ничего?

— Пока ничего,— опустив бинокль, пограничник посмотрел на Железнякова,— но если это случится, то довольно скоро.

— Вы уверены?

— Уверен, не уверен, но по времени мы должны уже ее догнать.

— И тогда что?

— Тогда...— старший лейтенант помолчал.— Тогда, если удастся договориться с капитаном и тот даст команду сбавить ход, вы сможете подняться наверх. Вместе со мной, в люльке. Такое у нас уже бывало. Ну а там — можете делать, что хотите. Капитана я предупрежу.

Подняв бинокль, старший лейтенант застыл. Наконец, примерно через минуту, сообщил:

— А вот и она... Да, это «Украина»...

Железняков взгляделся вдаль, но ничего не увидел.

— Можно посмотреть?

— Пожалуйста,— старший лейтенант протянул бинокль.

Для того чтобы отыскать в окулярах белеющую на горизонте корму дизельэлектрохода, Железнякову потребовалось несколько секунд. Затем, опустив бинокль, он воочию убедился, как быстро катер сокращает разрыв. Довольно скоро «Украину» можно было увидеть и без бинокля, если хорошенько взглядеться.

— Прибавишь, Петрович? — спросил старший лейтенант.

— Прибавить-то я прибавлю... Только вот мотор постукивает. Рухлядь.

Сразу же после этих слов мощный мотор, до этого, как казалось Железнякову, работавший без перебоев, вдруг громко чихнул. Затем раздался еще более оглуши-

тельный звук, больше похожий на выстрел. Старшина забористо выругался, но это не помогло: раздалось еще несколько громких выстрелов, после чего мотор замолчал совсем.

Пройдя по инерции несколько метров, катер закачался на волне. Минуты три старшина дергал всевозможные рычаги и рукоятки и, убедившись в тщетности своих усилий, сказал:

— Все. Отплавались.

— Д-да? — Железняков все еще не мог поверить, что погоня закончилась.

— Ну да. Вы что, не знаете нашу технику? Полетел мотор. Катер-то списанный. Прежнего ухода за ним уже нет.

Некоторое время Железняков наблюдал, как старшина, сняв мичманку, устало вытирает пот. Наконец, спросил старшего лейтенанта:

— И... что же теперь делать?

— Ничего. Рация у нас с собой, вызовем спасателей. Вы уж не обессудьте, мы сделали все, что могли. Но сами видите — не повезло.

Пока старший лейтенант вызывал по рации спасательный буксир, Железняков попытался сообразить, что же он может сейчас предпринять — после того, как Каменский и Лукашов в буквальном смысле слова уплыли прямо у него из рук. Допросить Каменского и Лукашова он сможет теперь после того, как они вернуться из круиза. Но если ему не изменяет чутье следователя и эти парни в самом деле являются главными участниками ограбления квартиры на Бережковской набережной и убийства ее хозяйки, то они сделают все, чтобы никогда не оказаться снова в России или на Украине. Ушли навсегда... Конечно, он постарается предпринять все, что возможно, и прежде всего сразу же по возвращении на берег свяжется с Интерполом. Но, поскольку пока для всех, и для него в том числе, Каменский и Лукашов всего лишь подозреваемые, на Интерпол надежда слабая, поскольку Интерпол занимается преступниками, вина которых доказана без всяких сомнений.

Уже на обратном пути, взглядываясь в буксирующей их пограничный катер, Железняков подумал: самое реальное, что он может сейчас сделать, вернувшись на берег, связаться с капитаном «Украины». И попросить

его установить наблюдение за двумя пассажирами, которые подозреваются в убийстве.

Подплыв к краю бассейна на верхней палубе, Миша положил обе руки на бортик. Одним коротким движением выпрыгнул из воды и тут же нагнулся, чтобы помочь выбраться из бассейна Гале. Протянув руку, вытащил ее легким рывком на бортик. Галино загорелое тело было усеяно мелкими каплями, еще больше оттенявшими загар.

— Сядем? — спросил он.

— Можно.— Фыркнув, Галя попыталась сдуть с носа и лба брызги. Белые пластиковые столики и стулья здесь, на верхней палубе, стояли прямо под палящим солнцем. Но это всех устраивало, поскольку давало возможность продлить удовольствие, заказав сразу после купания коктейль или охлажденный сок.

Усевшись вместе с Галей за свободный столик, Миша заказал подошедшему официанту гранатовый сок со льдом. Положил на столик руки. Он чувствовал, как от соприкосновения с пластиком остывшая после купания кожа постепенно нагревается. Подумал, разглядывая Галю: он знаком с ней уже почти два года. А последний месяц вообще практически не расставался ни на минуту. Вроде бы должен к ней привыкнуть, но получается все наоборот. Он влюблялся в нее все больше и больше. Чертовщина какая-то.

Глаза Гали были полузакрыты, она сидела, обсыхая, подставив лицо солнцу. Почувствовав его взгляд, приоткрыла глаза, спросила:

— Ты что?

— Ничего,— Миша посторонился, давая возможность официанту поставить бокалы.— Просто...— Он усмехнулся: — Просто мне хорошо.

Взяв губами соломинку, Галя посмотрела исподлобья. Хмыкнула:

— Как ни странно, мне сейчас тоже очень хорошо.

— Почему, «как ни странно»?

— Н-ну...— Она помолчала.— Потому что я не привыкла привязываться.

— Привязываться?

— Да. А сейчас, кажется, привязалась. Думаю, это не к добру.

— А по-моему, наоборот, очень даже к добру.

Выпив сок, Галя выпрямилась. Посмотрела на него.
— Все же, Мишенька, я чувствую, тебя что-то беспокоит.

— Н-ну...— Черт, как ему не хотелось говорить то, что он просто обязан был сейчас сказать. Обязан, потому что они вот-вот должны подойти к Стамбулу.— Вообще ты права, есть некоторый момент.

— Да? — поставив локти на стол, Галя оперлась подбородком о ладони.— И что же это за момент?

Миша промолчал. Помедлив, Галя улыбнулась:

— Впрочем, я знаю. Это касается Стамбула?

— Откуда ты знаешь?

— От Лизы. Витя, или, как ты его называешь, Лука, сказал ей, что вы хотите остаться. А заодно сделал ей предложение.

— Да, Галюш, ты права. Мы решили остаться. И...— не договорив, замолчал.

— Да, и? — спросила Галя. Ему показалось, в глазах у нее мелькают смешинки.

— И...— Миша поставил бокал.— Скажу прямо: у меня есть все, чтобы нормально жить за кордоном.

— Любопытно. Только зачем ты мне это говоришь?

— Говорю, потому что должен сказать. Ты понимаешь, что такое «нормально жить»?

— Не совсем,— Галя тронула соломинку,— может быть, пояснишь?

— Ну... у меня есть миллион долларов. Пока. Во всяком случае, я рассчитываю на эти деньги.

Отпив сок, Галя подняла глаза, не отрывая губ от соломинки:

— Понятно. Очень интересная информация.

— Галя...— Сейчас Миша хотел говорить прямо и сказал, протянув руку и накрыв на секунду ее прохладную ладонь: — Я не знаю насчет предложений, которые Лука сделал Лизе. Но учти: я мечтаю, чтобы этот миллион был наш общий. И вообще, я мечтаю, чтобы все у нас было общим. Понимаешь?

— Более-менее.— Сказав это, Галя наконец-то оставила соломинку.— Только про деньги ты мог бы мне и не говорить.

— Наоборот, я обязан был тебе сказать. Так ты согласна сойти вместе со мной, чтобы остаться?

— Хорошо, Мишенька. В конце концов не плыть же мне дальше в этот круиз одной. Без тебя.

Приподнявшись, Миша поцеловал ее в губы. После того, как он сел, Галя долго смотрела куда-то мимо него, за борт. Вдруг сказала:

— Смотри... Какая красота.

Обернувшись, Миша увидел вдали крохотные белые домики, подступающие к самому краю бухты. Затем из дымки выплыл гигантский ажурный мост. Это был Стамбул.

В пустом коридоре первого класса не было ни души. Миша быстро скользнул в боковой отвод, застыл, прислушался. Слежки он не боялся. Знал: «Украина» была слишком огромна, чтобы здесь можно было проследить за отдельным человеком. Но ведь он запросто мог засветиться из-за какой-нибудь досадной мелочи. Сейчас же, на его взгляд, наступил самый ответственный момент, поэтому он и решил застраховать себя от малейшей случайности.

Наконец, убедившись, что поблизости никого нет, он вышел из своего укрытия. Пройдя несколько шагов, нырнул в проем люка. Лишь здесь, на давно облюбованном им закутке служебной палубы, облегченно вздохнул. Палуба была пуста, если не считать пожарного щита и закрепленной на высоких кранцах спасательной шлюпки. Об этом тайнике, который он сделал всего за сутки до выхода «Украины» в рейс, не знал никто, в том числе и Лука. Известно Витьке было лишь о тайнике в машинном отделении, из которого час назад они вытащили все, что там было спрятано. А именно: наличную валюту, золото и цацки Фаберже. Этот же тайник Миша оборудовал втайне от приятеля.

Еще раз оглянувшись, Миша быстро забрался на шлюпку. Распластавшись на закрывавшем шлюпку брезенте, достал из кармана джинсов плоский сапожный нож. Полоснул по брезенту. Судя по звуку, отверстие, которое образовалось после его удара, было вполне достаточным для того, чтобы проникнуть внутрь шлюпки. Убедившись, что вокруг, если не считать неумолчного шума машины, все по-прежнему тихо и спокойно, Миша скользнул в широкую прорезь.

В шлюпке было темно. Однако темнота не помешала ему, приложив некоторые усилия, обнаружить свой отлично замаскированный тайник. Протянув руку и поведив ею минуты две по привальному брусу, Миша опо-

знал заранее выбранное им место. В этом тайнике несколько дней назад, находясь на еще не занятой пассажирами «Украине», он спрятал оставшиеся после сделки с Масудом пять алмазов, поместив их в выдолбленное в привальном бруске отверстие. Затем он заклеил тайник куском плащевки и замазал под общий фон белой эмульсионной краской.

Не без труда отыскав еле заметные на ощупь натеки, Миша ткнул в найденное место ножом. Пробив слой краски и плащевки, нож ушел в глубину. Поработав им, Миша расширил отверстие.

Затем, сунув в щель пальцы, достал из тайника спрятанный там байковый мешочек. Все пять алмазов.

Некоторое время после этого Миша лежал неподвижно, скрючившись под банкой. Подумал, вглядываясь в падающий на дно шлюпки узкий луч света: это он нашел их в квартире старухи, это его алмазы. Нашел в таком месте, где никому бы в голову не пришло искать. И поэтому никто, в том числе и Лука, не имеет к этим камням никакого отношения!

Вытряхнув сверкнувшие под лучом кристаллики на ладонь и убедившись, что алмазы на месте и их никто не подменил, Миша снова вложил алмазы в мешочек и спрятал в карман джинсов. Полежал немного, усмехнулся. Если все пройдет гладко и они останутся в Стамбуле, он со временем запросто сможет получить за каждый из этих пяти камней нормальную цену. Цену, которая в сумме как раз и должна составить примерно миллион долларов, о котором он сказал Гале. Сейчас же у него одна задача: выбраться отсюда тихо и по возможности быстрее.

Прислушавшись и убедившись, что вокруг по-прежнему все спокойно, Миша эту свою задачу выполнил без особого труда.

Таможенный контроль в стамбульском порту, как и ожидалось, они прошли без осложнений. Наскоро просмотрев заполненные Мишей, Галей, Виктором и Лизой таможенные декларации, полицейский кивнул. После этого они вчетвером вышли на припортовую площадь. Сразу же после этого им пришлось пройти сквозь толпу дежуривших у портовых ворот покупателей, умолявших на русском, турецком и ломаном английском всех сошедших с «Украины» туристов продать что угод-

но. При этом они клялись, что дадут за товар самую лучшую цену. Освободившись от приставаний настырных покупателей, все четверо оказались наконец на более-менее свободном пространстве.

Они стояли, шурясь от яркого солнца и разглядывая пеструю толпу, заполнившую площадь. По настоянию Миши, выходя в круиз, они взяли с собой минимум вещей, поэтому все, что у них было, легко уместилось в спортивные сумки.

Стоя на площади и разглядывая уличных торговцев, зазывавших покупателей, толпящихся около них разряженных туристов, моряков торговых судов, проходивших мимо, носильщиков, провозивших нагруженные доверху тележки, Миша подумал: оттого, что он наконец-то в Стамбуле, он испытывает сейчас огромное облегчение. Сбылось все, о чем он мечтал: наконец-то он в Стамбуле, с алмазами да еще вместе с Галей.

У тротуара выстроилась вереница такси. Заметив, что водитель передней машины делает им знаки, Миша кивнул спутникам: «Садимся».

После того как они сели, Галя, разместившись рядом с Мишей, поцеловала его в щеку. Сказала на уху:

— Куда мы сейчас?

— Скажи, пусть для начала отвезет нас в самый лучший стамбульский отель.

— Хорошо,— Галя, свободно говорившая по-английски, передала водителю просьбу. Тот кивнул, и машина, развернувшись на припортовой площади, двинулась по узким улочкам вверх, в город. Вообще-то Миша совсем не собирался тратить несколько тысяч в день только на жилье. Фраза насчет «лучшего отеля» была сказана им, чтобы, во-первых, выглядеть перед Галей настоящим мужчиной, а во-вторых, вселить уверенность в своих друзей.

Такси остановилось возле небоскреба со стеклянным пандусом и огромным, украшенным сверкающими буквами козырьком над входом. Включив мотор, водитель повернулся к Гале:

— Отель «Хилтон», мисс.

— Ой, «Хилтон»...— всплеснула руками Лиза.— Всю жизнь мечтала здесь пожить!

Протянув водителю двадцатидолларовую купюру и не взяв сдачи, Миша вместе с попутчиками вышел из машины. Поднявшись в вестибюль и подойдя к портье,

попросил хоть и на плохом английском, но довольно внятно дать ему и его друзьям два лучших люкса.

Смерив Мишу взглядом, портье с ледяной улыбкой сообщил, что два лучших люкса будут стоить три тысячи долларов в сутки. Миша молча отсчитал деньги. Поведение портье, после того как он пересчитал доллары и убедился, что они не фальшивые, резко изменилось. Пригнувшись, он протянул ключи, сообщив при этом, что номера, которые он выделил молодым людям, действительно самые лучшие в их отеле.

Поднявшись в свои апартаменты, девушки принялись распаковывать сумки. Затем ушли переодеваться.

Выйдя вместе с Мишей на огромный балкон, Лука некоторое время любовался раскинувшейся внизу панорамой. Наконец, сказал:

— Вид классный.

— Классный,— согласился Миша.— За то и заплачено.

— Мишань, все о'кей, только не слишком ли? Три штуки в сутки, а у нас ведь всего двадцать штук наличных. Даже чуть меньше.

— Кроме двадцати штук у нас есть еще цацки Фаберже. И рыжье.

— А кому их сдать? — поинтересовался Лука.

— Найдем, Витенька, не беспокойся.

Опершись на перила, Лука застыл, вглядываясь в россыпь домов, над которой то тут, то там возвышались мечети.— Мишань, наверное, так в раю живут, а?

— У кого деньги есть, живут как в раю, а у кого нет.. Ты видел толпы оборванцев в порту?.. Лука, я сейчас ненадолго свалю.

— Прямо сейчас?

— Откладывать нельзя. Это для наших общих дел. Я ненадолго.

— Ну ни пуха, ни пера.

— К черту. Развлеки пока девочек, хорошо? Ну, там сходи в бар, еще куда-нибудь. Я вернусь через час, через два...

(Окончание следует.)

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на газету **71075**
ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН журнал (индекс издания)
(наименование издания) Количество комплектов

на 19__ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВочНАЯ КАРТОЧКА

ПВ место ли- на газету **71075**
тер журнал (индекс издания)
ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН
(наименование издания)

Сто- мость	подписки пере- адресовки	руб. коп.	Количество комплек- тов
		-- руб. -- коп.	

на 19__ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ИЗВИНЕНИЕ

В журнале «Человек и закон», (№ 7 за 1990 год) был опубликован фельетон «Возледачный роман». По мнению Дзержинского районного народного суда г. Москвы (решение от 3 апреля 1992 года), Заводчикову Л. Г. и проходящим по делу свидетелям, не названным в фельетоне, редакция обязана принести извинения, что мы и делаем данной публикацией.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки)

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

Сдано в набор 01.06.92. Подписано в печать 03.08.92.
Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая. Бумага газетная.
Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л. 6,69
Заказ 0160210. Цена договорная.

Адрес редакции:
129850 ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22
Телефон 281-68-12

Комбинат печати издательства «Преса України»
252047, Киев-47. Проспект Победы, 50

